

A woman with red hair, wearing a red off-the-shoulder gown, stands on a grand staircase with ornate gold railings. A man in a red suit and bow tie stands on the stairs behind her. The background features a teal wall, a white column, and a framed painting.

ЮЛИЯ
ЦЫПЛЕНКОВА

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ
МЕЖДУ СЕРДЦЕМ И МЕЧТОЙ

Юлия Цыпленкова
Солнечный луч. Между
сердцем и мечтой
Серия «Солнечный луч», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69165832
SelfPub; 2023*

Аннотация

Как же легко рушится уже, кажется, сложившаяся реальность. Теплые доверительные отношения с монархом тают на глазах. Получив отказ, он не желает смотреть в сторону юной баронессы. Еще и герцогиня спешит избавиться от строптивой девицы. Да что там! Сам род Доло в одном шаге от опалы, которая по капризу государя называется почетной отставкой. Но Шанриз не привыкла долго бывать в унынии. У нее есть цель, убеждения, а еще обещанная монархом защита. А раз уж своего слова он так и не забрал, то пришло время просить защиты короля от... короля. За плечом Шанриз Тенерис стоит сам Бог Счастливчик, и она готова к преодолению новых трудностей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	61
Глава 4	94
Глава 5	121
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Юлия Цыпленкова

Солнечный луч. Между сердцем и мечтой

Глава 1

Колеса экипажа грохотали по булыжной мостовой. За окнами кареты неспешно скользил большой и уставший от бесконечно долгой жизни город. Гигантский муравейник существовал в своем привычном ритме. Разве что в богатых кварталах он чуть замедлялся, оставляя суету торговым и бедным кварталам и окраинам. Возле королевского дворца и вовсе всё было степенно, здесь бегать и кричать запрещалось. Ничто не должно отвлекать повелителя Камерата от его служения своим подданным.

Впрочем, дворец остался позади, его сиятельство граф Доло вез меня к моим родителям. Вскоре должно было состояться празднование в честь дня совершеннолетия ее милости баронессы Мадести-Доло, моей далекой родственницы, но все-таки близкого друга и горячо любимой сестрицы. Порой мне даже было жаль, что человек, которого я почитала за своего второго близкого друга, уже был давно и счастливо женат. Из Амберли и Фьера Гарда могла бы выйти за-

мечательная пара. Однако его милость уже избрал себе спутницу жизни, и потому не стоило забивать голову ненужными фантазиями.

– Вы рады, что едете домой, дорогая? – с улыбкой спросил меня глава моего рода.

– Бесконечно, дядюшка, – улыбнулась я в ответ. – Я ужасно соскучилась по ним. И пусть матушка обрушит на меня всю скопившуюся в ней тоску и заботу, а батюшка будет вновь подмечать, что прилично благородной девице, а что нет, но мне всего этого порой не хватает. А уж об Амбер я вовсе не говорю. Ее писем мне всегда было мало. Сестрица – как часть моей души.

– Теперь придет мой черед скучать по вам, дитя мое, – усмехнулся граф. – Я уже настолько привязался к вам, что, признаться, слегка ревную вас в вашей семье. Мое безраздельное владение вами на эту неделю прервется.

Я рассмеялась и перебралась к его сиятельству, после уместила голову на его плече, и дядюшка приобнял меня.

– Лиса, – произнес он с доброй насмешкой. – Но я и вправду расстроен нашим расставанием. За столько лет службы в королевском дворце у меня ни с кем и никогда не было столь близких и доверительных отношений. Да и не переживал я ни за кого так, как за вас, Шанни. Теперь я понимаю магистра, потому что сам могу с чистым сердцем сказать, что вы мне стали как дочь за эти полгода. Вроде и времени прошло не так много, а кажется, что целая жизнь.

– Вот уж верно, – согласно кивнула я. – Столько всего переменялось за это время.

После отвернулась к окошку и коротко вздохнула. Его сиятельство потрепал меня по плечу:

– Ну-ну, дитя мое. Не всё так плохо. Я бы даже сказал, что всё весьма недурно, даже учитывая, что государь теперь держится вдали от вас. Он не упускает вас из виду и продолжает принимать в вашей судьбе живейшее участие. – Я фыркнула, а дядюшка продолжил: – И тем не менее. К примеру, мною получено указание докладывать обо всех предложениях вам руки и сердца, которые мы посчитаем достойными. Его Величество будет лично следить за отбором для вас будущего супруга.

Я фыркнула и отмахнулась:

– Теперь он готов и замуж меня выдать.

– Думаю, тут вы глубоко заблуждаетесь, – улыбнулся дядюшка. – Ради любопытства я рассказал об одном из старых претендентов, кто просил вашей руки еще полгода назад.

– И что же? – с интересом спросила я.

– Велел отказать, – рассмеялся граф. – В бедном молодом человеке государь быстро нашел множество изъянов и намекнул, что его род близок к опале. После этого я заверил короля, что это было только одно имя из многих, кто сватался к вам или просил позволения ухаживать, и кому было отказано. Кажется, мне удалось спасти несостоявшегося жениха и его род. Так что, Шанни, государь продолжает наблюдать

за вами, хоть и прекратил всякое ваше близкое общение.

– Мне его не хватает, дядюшка, – снова вздохнула я и вернулась на свое прежнее сиденье.

Вообще с тех пор, как Двор вернулся из летней резиденции в столицу, дни мои во дворце были скучны и унылы. Нет, они ничем не отличались от тех, что были прежде, когда я только поступила на службу к ее светлости, но отсутствие короля в моей жизни оказалось слишком заметно.

После нашего откровенного и последнего разговора наедине, когда каждый высказал всё, что лежит у него на душе, Его Величество я видела только издали. Большой завтрак не в счет. Хоть в минуты приветствия я и стояла перед королем, но взгляд его на мне никогда не задерживался. Он всегда смотрел только на свою тетушку, а я оставалась одной из фрейлин, присевших за ее спиной в реверансе. Да и сказать я в эти краткие минуты ничего не смогла бы. Впрочем, и не сказала бы из-за нашей договоренности с государем, а ее я тщательно соблюдала, наверное, впервые послушав его без всяких возражений.

Пожалуй, до сегодняшнего дня было только два момента, когда мы встретились взглядами. В первый раз еще во время переезда обратно в столицу. Тогда королевский кортеж остановился на ночлег во дворце графа Кьерта – владельца земель, через которые лежал наш путь. Здесь нас ждали, потому что дворец его сиятельства был неизменным местом остановки.

Его Величество задержался в дверях. Он разговаривал с молодой и миленькой супругой графа. Когда я проходила мимо, то расслышала, как ее сиятельство отметила:

– Ох, какой же яркий цвет волос у этой юной дамы, будто пламя огня.

Обернувшись на это замечание, я и встретилась взглядом с государем. Похоже, ни он, ни графиня не ожидали, что будут услышаны, потому что говорили тихо. От неожиданности женщина смутилась, а Его Величество на мгновение замер, не сводя с меня чуть расширившихся глаз. Я присела в реверансе, и он отвернулся, не забыв представить меня:

– Ее милость баронесса Тенерис-Доло. Баронесса служит моей тетушке в должности фрейлины.

– Рада познакомиться с вами, ваша милость, – с улыбкой произнесла графиня, вряд ли сильно превышавшая мой возраст.

– Доброго дня, ваше сиятельство, – ответила я с вежливой улыбкой. После мазнула взглядом по государю, но он смотрел в сторону, и я не стала и дальше испытывать его терпение.

Когда мы еще ехали в Лакас, где находилась резиденция короля, ее сиятельство только успела пережить роды и потому к гостям не выходила. Кажется, государь заходил к ней, чтобы приветствовать молодую мать, всем остальным же увидеть хозяйку не удалось, как и ей нас. Так что нет ничего удивительного в том, что она заметила меня только сей-

час.

Во второй раз мы встретились взглядами, когда я сопровождала ее светлость на прогулку по малому дворцовому парку. Мы уже отошли от дворца, когда герцогиня решила, что ей необходима теплая накидка. За ней я и отправилась. Развернувшись, я подняла взор и обнаружила, что Его Величество наблюдает за нами из окна. И вновь было это остолбенение, продлившееся всего лишь пару секунд. Опомнившись, я присела в реверансе, а он поспешил отойти от окна. Вот и все наши личные встречи. В остальное время или вокруг были придворные, или мы находились поодаль и делали вид, что не видим друг друга. Это угнетало, но менять что-либо не спешил никто из нас.

Впрочем, со мной был мой верный друг – барон Гард, который недурно скрашивал мне часы досуга. К сожалению, теперь, когда моя служба возобновилась в ее полноценном значении, нам удавалось видеться мимоходом или же только по вечерам, когда герцогиня собирала гостей в своих покоях. Вот тогда мы с его милостью могли вдоволь наговориться и посмеяться.

Король уже не посещал вечера своей тетушки, не желая наших встреч, но многие из ее завсегдатаев остались. Однако ее светлость была недовольна исчезновением главного гостя. Мне пришлось сознаться, что промеж нас с Его Величеством вышла размолвка. Я не стала рассказывать ей того, что произошло, только отговорилась, мол, поспорили и не сошлись

во взглядах. Государю надо остыть, а после всё непременно будет, как раньше.

– Ну как же так можно, Шанриз?! – возмущалась ее светлость. – Ведь было так чудесно! Он же пожирал вас взглядом, пока вы творили свои непотребства у перил. Я бы вас стукнула в тот момент, право слово, а он глаз не отводил. Вы бы видели его улыбку! Это было неприкрытое любование. Да он же без ума от вас, иначе и не объяснить одобрения столь вызывающего поведения. А это ваше: «После хоть на воротах вешайте», – где такое видано, чтобы королю – и так дерзко? А мой племянник еще и пошел за вами, не говоря ни слова...

– Он сделал мне замечание...

– И что с того? Он после сам стучал кулаком по перилам и кричал своему Дренгу, – возразила герцогиня, скромно умолчав, что и сама позволила себе не меньше вольности. – Я говорю вам, что король подпал под ваше влияние, и что же? Вместо того чтобы закрепить свой успех, вы с ним ссоритесь?! Я требую, чтобы вы немедленно повинились и приняли его точку зрения как верную... о чем бы вы ни спорили. Слышите? Немедленно!

Ответив ей упрямым взглядом, я произнесла:

– Нет. – И, чтобы предотвратить взрыв негодования, поспешила объяснить: – Поймите же, ваша светлость, государю нравится во мне именно эта черта. Он ведь охотник, и моя непокорность только еще больше разжигает в нем пламя. Потерпите, моя госпожа, однажды всё наладится, – и ми-

ло улыбнулась.

Конечно же, я лгала! Это был вовсе не тот случай, когда король написал бы мне что-то вроде: «Я готов вас задушить, но не могу выкинуть из головы». Это даже не было ссорой, а решением, которое он принял и продолжал его держаться. Оставалось и вправду ждать, когда государь усмирит свой огонь и снова подпустит меня ближе. Однако герцогиня согласилась со мной, уже по опыту зная, что охлаждение заканчивается нашим примирением, и потому тоже набралась терпения.

Но время шло, а ничего не менялось. Король смотрел мимо меня, я избегала случайных встреч, и так прошло несколько недель с момента нашего возвращения. Наверное, ее светлость вновь накинулась бы на меня с вопросами и требованиями, но в этот раз утихомирить ее на время помог Фьер Гард.

Нет, он ни в чем не убеждал нашу госпожу, но привел в ее гостиную графа Дренга, с которым сошелся достаточно близко после турнира. Оба авантюристы, любители пошутить и сыграть на публику, они недурно ладили. Признаться, я даже немного ревновала моего барона к королевскому графу.

– Ваша милость, – третьего дня ворчала я на Гарда, – его сиятельство дурно на вас влияет.

– Чем же, ваша милость? – удивился Фьер.

– На днях вы были нетрезвы, – заметила я. – И я знаю, кто устроил вам попойку.

– Прошу прощения, ваша милость, – ответил Гард, – но баронесса Гард осталась в моем поместье, а, насколько помню, вы, Шанриз, – баронесса Тенерис, а не Гард.

– Ах, вот как?! – вспыхнула я. – Тогда я отказываюсь с вами разговаривать. И знайте, что я обижена на вас, ваша милость.

– Полноте, дорогая, – улыбнулся барон, – не злитесь. Просто примите, что мужчины иногда могут позволить себе расслабиться за бутылкой чего-нибудь горячительного, а еще могут позволить себе пошуметь и побуянить вне пределов взоров дам. Однако это никак не влияет на мое отношение к вам, ваша милость. Вы мне по-прежнему дороги, и нашей дружбы я не предаю ни за какое аританское красное. А за белое уж тем более, – его улыбка стала шире, и негодник добавил: – Ну, улыбнитесь же мне, ревнивица.

– Какая глупость, – возмутилась я. – Я вовсе вас не ревную, – но сдалась и улыбнулась: – Если только самую малость. – На том и помирились.

Стоит отметить, что с тех пор, как государь узнал о наличии супруги у барона, пусть и не благородного происхождения, жить Гарду стало проще. От него отстали те, кто пытался до того всучить своих дочерей, находя выгодной партией с мажордомом ее светлости, к тому же герцогиня утратила свой главный рычаг давления на его милость. Впрочем, у нее всегда оставались напоминания о ее милости и угрозы об ее лишении. Но, в любом случае, Фьер теперь не жил под угрозой разоблачения неравного брака без высочайшего одобрения.

Правда, считал, что должен быть благодарен за то, что всё разрешилось без потрясений, мне.

– Чушь, право слово, – отмахнулась я. – Государь – разумный человек, он бы принял ваш брак.

– Не скажите, Шанриз, – возразил его милость. – На чаше весов была ревность короля. Известие о моей женитьбе и отношении к супруге стали поводом прекратить видеть во мне соперника на ваше внимание. Если бы не это, уж и не знаю, как бы всё закончилось. Вполне могло и опалой. Но его отношение к вам смягчило удар, превратив всего лишь в обнародованную новость. И пусть те, кто разочарован в своих устремлениях, фыркают, мне это глубоко безразлично.

Но возвращаясь к причине нашей размолвки с моим другом, хочу сказать, что Олив Дренг неожиданно стал моим мостиком, соединившим нас с Его Величеством. Разумеется, он не передавал мне посланий от государя, ни письменных, ни устных, как и ему от меня, но рассказывал то, что было скрыто от моего взора. Так я узнавала новости о жизни Его Величества, и хотелось верить, что король хоть иногда спрашивал своего любимца обо мне. Но, конечно же, я такого вопроса графу не задавала и через Фьера узнавать тоже не рискнула.

Впрочем, наши разговоры не сводились только к нашему повелителю и господину. О нем упоминалось скорей вскользь, чем следовало нарочитое повествование. Я могла после этого задать вопрос, но тему королевской жизни ни-

кто не развивал. А в остальное время Дренг шутил и веселил меня и тех, кто присоединялся к нашей беседе. Гард в это время сыпал искрами своего обаяния в другой части гостиной, веселя герцогиню, или же был рядом, и тогда вечер заканчивался большими щеками, потому что если и не смех, то улыбка не сходила с моего лица, да и не только с моего.

– Как же жаль, ваша милость, что вы не мужчина, – как-то сказал мне Дренг, – уверен, что кутеж с вами был бы незабываем.

– Совершенно согласен, – кивнул Гард, я лишь усмехнулась и покачала головой. Будь я мужчиной, мне было бы позволено много больше, чем кутеж.

– Оставим сожаления, – сказала я. – Я – женщина, и эта данность неизменна.

– Не возражаю, – улыбнулся граф. – Вы слишком хороши, чтобы быть женщиной. Если бы вы оказались юношей, мне пришлось бы вызвать вас на дуэль, чтобы избавиться от красавца-соперника на внимание прекрасных дам.

– Полно, – со смешком отмахнулась я.

– Если вы еще помните, то я объявил вас первой красавицей всего Камерата, – заметил Дренг.

Посмотрев на него, я не смогла не полюбопытствовать:

– Что заставило вас решиться на это, ваше сиятельство? Я видела ваши опасения.

– Во-первых, вы сказали, что разочарованы во мне, а я не могу позволить себе разочаровать даму. Я привык видеть

дам довольными... э-э, – болтун прервал сам себя и перешел ко второй части своего ответа: – А во-вторых, государь так пристально следил за нами, что я не мог остаться к этому равнодушным и решил поозорничать. Когда дразнишь короля, это будоражит, не так ли, ваша милость?

Пропустив мимо ушей его вопрос, я констатировала:

– Стало быть, все-таки лгали и просто подшучивали надо мной, называя первой красавицей, – укоризненно покачала я головой, пряча улыбку.

– Ничуть! – искренне возмутился его сиятельство. – Ни словом не солгал. Да и думай я иначе, то не угрожал бы вам дуэлью в случае, если бы вы были мужчиной. Я честен, боги мне свидетели. Им же вы не станете возражать, ваша милость?

– Богам возражать не стану, – рассмеявшись, заверила я Дренга.

Всё остальное время, составлявшее основную часть моего дня, была служба герцогине, опять начинавшаяся с раннего вставания и ожидания, когда ее светлость позвонит в колокольчик, чтобы объявить о своем пробуждении. И так до вечера. Достаточно однообразное времяпровождение, тяготившее меня и вызывавшее протест. Не хватало свободы. Меня душила привязь и невозможность проявить себя как-то иначе, кроме того, что требовала ее светлость.

Быть может, государь и рассчитывал на это, когда оставил мне служение своей тетке. Уже зная меня, он не мог не по-

нимать, как тяжело должно быть мне в установленных рамках, но признавать этого не хотелось, потому что тогда мне открывалось два пути: покои короля или дорога в отчий дом. Можно было выбрать вторую, но тогда с большой долей вероятности можно было предположить, что это окончательно закроет передо мной ворота дворца, а значит, и всякие надежды, как прежние, так и новые – на возвращение Его Величества в мою жизнь. А этого я желала не меньше, чем избранного мной еще в отрочестве пути.

Первый же путь мешало выбрать стойкое убеждение в хрупкости королевской страсти и тем более сомнения в его стойкости и верности. Но! Но даже если я в его покоях продержусь не меньше Серпины Хальт, то однажды появится королева, а с ней я не смогу делить мужчину, которого буду почитать своим. Да что там! Если сейчас, пусть и любовница, но его женщина, то после женитьбы у государя будет совсем другая женщина, а возлюбленная превратится в порочную интрижку? Нет уж. Ничего подобного я вовсе не желала. И я продолжала влачить свое существование фрейлины герцогини Аританской.

Снедаемая всеми этими чувствами, я еле дождалась, когда мне позволят ненадолго отправиться домой, где можно будет выдохнуть и выспаться, а еще отвлечься от дворцовой жизни и невеселых мыслей, терзавших меня, как только я оставалась наедине с собой. И когда этот день настал, я воспарила до самых небес и ощутила легкость, какой не чувствовала с

тех пор, когда, как выразилась герцогиня, «безумствовала» на турнире.

Тальма собрала необходимые мне вещи еще с вечера. Ей без меня во дворце было нечего делать, потому моя верная служанка отправлялась со мной и, как и я, сторала от нетерпения, хоть напрямую и не говорила этого. Но вопросов о моем отчете доме и о людях, живущих там, было немало.

– Как же славно будет выбраться из дворца, – призналась мне Тальма. – Так не повернись, там не пройди, туда не смотри, здесь не слушай. Как из Лакаса вернулись, так совсем никакой жизни.

– Согласна с тобой, – улыбнулась я.

– Скорей бы уж, ваша милость.

– Уже совсем скоро.

А сегодня поутру, когда я проснулась, Тальма была уже полностью собрана, только плащ ее лежал поверх большого дорожного саквояжа. Впрочем, мои обязанности до отъезда никто не отменял, и потому, проснувшись опять привычно рано, я поспешила к своей госпоже. Никогда меня не тяготил так весь церемониал ее пробуждения, как сегодня, когда душой я уже была за воротами дворца. Однако смирила норов, набралась терпения и ожидала, когда же смогу покинуть надоевшие стены.

А еще сегодня был Большой завтрак, на который я отправилась с затаенным трепетом. Пусть мы и не общались с Его Величеством, но я впервые покидала Двор на целую неделю,

одобренную герцогиней, а это означало, что буду вдали от государя и не смогу увидеть его даже мельком, да и услышать о нем тоже. Мне было любопытно, тронуло бы его известие о расставании, или же он остался бы к нему равнодушен?

С этими размышлениями я входила в большую столовую, где уже были заняты все места. Ее светлость по своему обыкновению предпочла войти последней, чтобы лично приветствовать государя. Мы приблизились, присели в реверансе, но в этот раз я не опустила глаз. Мне хотелось посмотреть на него еще разок, чтобы вспомнить каждую черточку, хоть и не забывала лица Его Величества ни на минуту.

– Доброго утра, дорогая тетушка, – произнес государь. – Вы себе не изменяете. – В этот момент его взгляд скользнул по свите герцогини, и мы встретились глазами. Король задержал на мне взор, после откинулся на спинку кресла и неожиданно произнес: – Шанриз, вы как всегда очаровательны. Как ваше здоровье?

– Благодарю, Ваше Величество, – я склонила голову. – Я в добром здравии. А... как ваше здоровье, государь?

– Уже немного лучше, – ответил он. – Как намереваетесь провести день?

– Ее милость покидает нас, – с ноткой раздражения вклинилась в нашу первую за долгое время беседу ее светлость.

– Вот как, – между бровей короля пролегла складка. – Куда отбываете, позвольте спросить?

– У моей сестрицы скоро день ее совершеннолетия, – от-

ветила я. – Ее светлость позволила мне посетить отчий дом и участвовать в подготовке дня рождения баронессы Мадести-Доло. К тому же я скучаю по своим родителям и буду рада встретиться с ними.

– Доброго пути, ваша милость, – ответил государь и обратился к своей тетушке: – Мы ждем только вас.

– Прошу прощения, дорогой племянник, – ответила герцогиня, и мы прошли на свои места.

Сказать, что во мне всё трепетало от радости, ничего не сказать. Надежда на возобновление нашего общения расцвела буйным цветом. Пожалуй, только это испортило мою радость от скорой встречи с родными. Теперь я готова была задержаться на день, если это принесет мне встречу с Его Величеством. Однако, отругав себя за этот порыв и укорив за девичью глупость, я привела мысли в порядок и решила, что еще немного терпения пойдет всем нам только на пользу.

И после завтрака, получив одобрение герцогини, я отправилась на встречу с дядюшкой, который должен был сопровождать меня до отчего дома. Мы вышли с ним к ожидавшей нас карете. Я не удержалась и бросила взгляд на окна королевского кабинета, и вся моя прежняя радость истаяла. Отчего-то мне казалось, что государь непременно выглянет, чтобы проводить меня, однако окна были пусты. Вздохнув, я решила, что слишком тороплю события, и сегодняшняя беседа может ровным счетом ничего не означать, кроме того, что Его Величество сумел обуздать свои чувства, а может и

охладеть... И вот это неожиданно ранило, а не обрадовало, хотя должно было быть последнее.

– Дитя мое, – позвал меня граф, и я поспешила сесть в карету и выкинуть из головы все досужие домыслы. Я ехала домой!

Тальма, сиявшая, как начищенный золотой, устроилась рядом с кучером. Мой багаж уже давно был в карете, и во дворце нас ничего не задерживало. Карета выехала за ворота, и я окончательно переключилась на виды столицы, ничем меня не удивившие. За прошедшее лето ничего не переменялось.

А вскоре показалось и предместье. Мы выехали за город, и всякие страдания покинули меня, потому что мы приближались к загородному особняку баронов Тенерис. Дядюшка, пересевший вслед за мной после моего признания о том, что мне не хватает государя, взял меня за руку и успокаивающе пожал ее.

– Вы почти дома, – сказал его сиятельство.

– Даже не верится, – улыбнулась я.

– Стоит посмотреть налево, и поверить придется, – улыбнулся в ответ дядюшка. – Мы уже подъезжаем к воротам.

Карета и вправду приблизилась к высоким решетчатым воротам, украшенным вензелем «ТД» – Тенерис-Доло, который венчала баронская корона. Ворота распахнулись, и я припала к окну, с жадностью рассматривая знакомые с детства виды.

– Придвиньтесь ближе, – велел дядюшка. Машинально послушавшись, я придвинулась к окошку. – Еще немного.

Я вновь послушалась, и мой нос расплющился о стекло, и на нем появилось мутное облачко. Осознав всю несуразность своего вида, я порывисто обернулась и с возмущением воззрилась на его сиятельство. Граф весело рассмеялся, но увидев мое негодование, вскинул руки и воскликнул:

– Простите, Шанни! Но в своей непосредственности вы напомнили любопытного ребенка, узревшего нечто невероятное. Я не удержался и довел иллюзию до совершенства.

– Премного благодарна, ваше сиятельство, – едко ответила я, и он снова рассмеялся. Ну как мало дитя, право слово. Даром что граф и глава рода, да еще и в почтенных летах.

Впрочем, выходка дядюшки не испортила моего настроения. Из кареты я выбиралась с замиранием сердца и совершенно неприличным нетерпением. Пожалуй, его сиятельство был прав, сравнив меня с ребенком. Я скосила на него глаза и усмирила свой порыв бежать к дому, раскинув руки. Граф хмыкнул, предложил мне руку, и в особняк мы входили уже степенно.

Прислуга успела оповестить хозяев, и наверху послышались торопливые шаги, а спустя мгновение и голос матушки, еще даже не показавшейся нам:

– Боги! Мое милое, мое дорогое, мое обожаемое дитя! Наконец-то вы изволили вспомнить о ваших несчастных родителях! Наконец-то ваше сердце сжалилось и привело вас до-

мой! Моя маленькая девочка!

– Теперь-то я уж точно знаю, кто наделил вас неудержимым нравом, – шепнул мне дядюшка. – Зря я грешил на нашу бабушку.

– О-о, – с восторженным подвыванием старшая баронесса Тенерис-Доло объявилась пред наши очи. Она на миг замерла на верхней ступеньке последнего лестничного пролета, заломила руки, а после простерла их и кинулась вниз, живо напомнив мне какого-нибудь коршуна, летящего на бедного цыпленка. – Мое дитя! – воскликнула матушка, прижав меня к сердцу. – Доброго дня, ваше сиятельство, – между делом поздоровалась ее милость с главой рода своего супруга.

– И вам доброго дня, Элиен, – невозмутимо ответил граф с легким поклоном.

Но матушка уже не слушала. Она отстранилась, так и не выпустив меня из рук, затем развернула к себе спиной, опять повернула лицом и горестно воскликнула:

– Что они с вами сделали, дитя мое?

– Что? – дружно полюбопытствовали мы с дядюшкой.

– Они сделали вас взрослой! – воскликнула совершенно непоседливая баронесса. Помнится, она требовала от меня взросления, теперь же была им возмущена.

– Упрек весьма странный, – заметил граф.

– Ах, ваше сиятельство, – отмахнулась моя родительница, – простите меня, но я безумно скучала по своему ребенку, по моей маленькой девочке, а теперь, после долгой раз-

луки, я обнаружила, что она и вправду повзрослела. Это печально и восхитительно в равных долях, – и она снова прижала меня к себе.

И пока мы с матушкой обнимались, дядюшка промычал нечто невразумительное себе под нос и отошел от нас. Заложив за спину руки, он прошелся по холлу и спросил:

– Где же мой братец? Его нет дома?

– Он дома, ваше сиятельство, – послышался голос отца, и я вынырнула из объятий родительницы, впрочем, была быстро возвращена обратно и перестала вырываться.

Барон Тенерис приблизился к графу, они пожали руки, и батюшка развернулся ко мне.

– Уступите мне дочь, дорогая, – велел он матушке, и меня наконец отпустили, но с явной неохотой.

Отец был более сдержан, однако глаза его светились затаенной радостью и теплотой. Это было приятно. Он взял меня за плечи, притянул к себе и поцеловал в щеку, как маленькую, а не в лоб согласно этикету. И это умилило меня до той степени, что я порывисто прижалась к родителю и шепнула:

– Ах, батюшка...

– Ну, полноте, ваша милость, – с улыбкой ответил барон Тенерис. – Позволительны ли фрейлине ее светлости подобные дурачества?

– Наша малышка Шанни – любимица Двора, ей позволено многое, – произнес дядюшка, и родители посмотрели на него. – Вы изумлены? А между тем это так. Шанриз даже

смогла стать законодательницей моды, – широко улыбнулся граф, явно вспомнив любовь дам к выгулу книг.

Впрочем, к концу лета многие придворные полюбили езду верхом. Правда, я не относила к себе это новшество, но после откровения для меня о моде на прогулку с книгой в руках я отметила и эту вдруг вспыхнувшую страсть к конной прогулке. А еще в платьях придворных дам стали появляться яркие цвета, в прошлом сезоне считавшиеся верхом неприличия. Графиня Энкетт – анд-фрейлина герцогини, шепнула мне:

– Яркие цвета теперь считаются показателем легкого нрава и веселого настроения. А самый модный цвет – цвет пламени. Я заказала себе наряд с такими вставками. Он будет прелестен! – весело рассмеялась ее сиятельство.

– Не будет ли рябить в глазах от яркости расцветки? – с сомнением спросила я графиню.

– Нет! – воскликнула она. – Что еще может больше радовать в хмурый осенний день, чем согревающий цвет пламени и пестрота красок лета?

Возразить мне было нечего. Сама я тогда решила остаться ретроградом, для яркости мне хватало моих волос модного цвета. Но ничего этого пока не было широко известно. Модные веяния только зародились и не успели покинуть пределов дворца. Однако всё это не вызывало моей радости, потому что мне хотелось вовсе не подражания. Впрочем, эта печаль оставалась только моей печалью. Женщины не желали

того, чего желала для них я, они хотели походить на новую фаворитку короля, пусть еще и не утвердившуюся в своих правах, но склонность к которой Его Величество успел показать. Впрочем, переменам надо с чего-то начинаться. И если Хэлл не оставит меня своей милостью, то однажды они захотят много большего, а пока пусть обряжаются в пестрые наряды, берут в руки не открытый ими томик «мужской» книги и выгуливают его, рассуждая о пользе конных прогулок.

– Чем же наша дочь так полюбилась Двору? – спросила матушка, вернув меня вопросом обратно из дворца в отчий дом.

– Живостью нрава и озорством, конечно же, – ответил его сиятельство. – Признаться, Шанриз расшевелила даже такой неповоротливый старый пень, как я.

Он легко рассмеялся, чем удостоился изумленных взглядов баронов Тенерис, привыкших к строгости главы рода. А я, оставив графа изумлять моих родителей дальше, завертела головой в поисках сестрицы, по которой скучала более всего.

– Где же Амберли? – спросила я.

– Малышка Амбер сейчас на уроке танцев, – ответила матушка. – Не стоит ее отвлекать, дитя мое. Она вскоре предстанет перед гостями и должна будет показать себя в лучшем свете. Ваше сиятельство, – баронесса вернула внимание графа, – извольте пройти в гостиную. Что же мы, как какие-нибудь дикари, стоим на пороге?

– Простите, Элиен, – дядюшка склонил голову, – я не могу задержаться. На днях я навещу вас уже более обстоятельно, сегодня же меня отпустили проводить Шанриз, но мне уже пора возвращаться.

– Но у меня к вам разговор! – воскликнула матушка и поспешила к графу, готовому уже откланяться. Он задержался и ответил баронессе вопросительным взглядом. Она на мгновение замялась, но вскоре решилась и спросила: – Возможно ли вновь пригласить Его Величество? Быть может, если Шанни полюбила Двору, государь не откажет нам в этой милости снова?

Дядюшка потер подбородок, после скосил на меня глаза и ответил неопределенно:

– Не могу ничего обещать, ваша милость. Государь нынче занят скопившимися делами, но я попытаюсь пригласить его. Впрочем, – он снова посмотрел на меня, – особо не ожидайте.

Понимая, что имеет в виду дядюшка, я ощутила укол вины, потому что причиной высочайшего отказа может послужить мое появление на празднике, на котором я не могу не присутствовать. А если и согласится, то не посчитает ли это моей капитуляцией? И я отрицательно покачала головой. Дядюшка едва заметно кивнул, и я устыдилась своего эгоизма, но ничего менять не стала.

– И всё ж таки попытайтесь, ваше сиятельство, – сказала старшая баронесса. – На будущем Амберли это может ска-

заться благоприятнейшим образом.

– Я же сказал, что подойду к государю с этой просьбой, а что уж он ответит... – граф развел руками и обернулся ко мне. – Шалите, дитя мое, шалите в свое удовольствие. Когда вы вернетесь во дворец, опять придется стать серьезной, а пока наслаждайтесь жизнью.

– Какое любопытное напутствие, – усмехнулся барон.

– Шанриз заслужила немного баловства, – ответил граф, а матушка проворчала:

– Оно и видно, ваше сиятельство, вы уже балуете ее милость, коль настаиваете на том, что мы всегда запрещали.

Дядюшка улыбнулся, после склонил голову, прощаясь, и покинул нас, а я вдруг ощутила пустоту, будто лишилась чего-то необходимого, что делало меня цельной. Понимала, что это всего лишь минута блажи, которая пройдет вскоре, и что я просто привыкла к тому, что его сиятельство всегда где-то рядом, но его уход искренне расстроил меня. Однако показать это родителям было бы верхом неблагодарности, и потому я обернулась к матушке с батюшкой и широко улыбнулась:

– Как же я скучала по вам, мои родные, – сказала я, и баронесса вновь завладела своей дочерью под тихое хмыканье барона.

Амберли появилась спустя час. Она вошла в гостиную, где мы сидели, и, охнув, поспешила было ко мне, но вдруг остановилась и с неожиданной светской вежливостью поздоро-

валась:

– Доброго дня, ваша милость. Отраднo видеть вас под отчим кровом. Мы все по вам сильно скучали.

– Я всегда гордилась манерами Амберли, – произнесла матушка. – И ее сдержанностью.

Я гордости не ощутила, только недоумение. Изломив бровь, произнесла:

– Вот как. Отраднo слышать, ваша милость. – И вдруг поймала себя на том, что невольнo подражаю государю, избрав и его мимику, и слова, и их выражение.

Фыркнув, я поднялась со своего места и, извинившись перед родителями, попросила сестрицу уделить мне минуту внимания. После вывела ее из гостиной и утянула за собой в соседнюю комнату. И уже там возмутилась:

– Ты совсем без меня одичала от всех этих нравoучений. Это ли встреча сестер?

– Вы... – начала Амберли, но, увидев, как я покривилась, исправилась: – Ты выглядишь совсем как великосветская дама, я растерялась. Все-таки ты жила при Дворе...

– И это повод не обнять меня? – строго спросила я. – Тогда я напомню, каково это – сердить Шанни Тенерис, – и мои пальцы запорхали по ребрам воспитанной девицы.

Она привычно взвизгнула, и это звук показался мне сладчайшей музыкой на свете.

– Боги! Шанни! Ха-ха...

Я порывисто прижала к себе Амбер и призналась:

– Я ужасно соскучилась по тебе, сестрица.

– Я тоже, дорогая, – ответила она с улыбкой. – Без тебя в доме совсем тихо. Ужасная тоска. Твоя матушка даже поучала в два раза меньше обычного, а один раз рассказала мне про очередное злключение девицы О, когда я плохо сделала реверанс. А мне она про О никогда не рассказывала до этого.

– И что же приключилось с нашей бедняжкой? – живо заинтересовалась я.

– Ее ноги сломались под тяжестью тела, когда О не смогла присесть правильно, – хмыкнула Амберли. Я рассмеялась, а сестрица продолжила: – Так что ты не можешь не отметить нашей общей тоски без тебя. И я безумно рада, что ты вернулась. А еще хочу услышать всё-всё-всё! – воскликнула она.

– Обязательно, – кивнула я. – Вечером мы с тобой наговоримся. Но сейчас нужно вернуться, матушка еще не до конца обрушила на меня свою заботу. Не хочу ее обидеть.

– Разумеется, – серьезно ответила сестрица, и я окончательно признала свою любимую родственницу.

Взявшись за руки, совсем как в детстве, мы вернулись в гостиную.

– Мы слышали непристойные визги, – заметила баронесса, устремив на нас суровый взгляд. – Этих возмутительных звуков мы не слышали вот уже полгода, и мне думалось, что вы и вправду повзрослели, дитя мое. Однако я вынуждена констатировать со всем прискорбием – вас не в силах изменить даже служба королевской тетушке.

Батюшка отодвинул газету, которую читал, и, взглянув на нас с Амберли, усмехнулся:

– Вольный ветер не усмирить.

– Прелестно, – подвела итог баронесса и вдруг легко рассмеялась.

Глава 2

В окно стучал унылый осенний дождь. Открыв глаза, я повернулась на бок и некоторое время смотрела на тонкие дорожки, бежавшие по стеклу, после перевела взгляд на тяжелое серое небо и протяжно вздохнула. Похоже, весь день обещал быть унылым. Натянув теплое одеяло до подбородка, я снова попыталась уплыть в сладостную дремоту, однако сон не шел – я выпалась.

– Досадно, – буркнула я и села на кровати.

После спустила ноги на пол, замоталась в одеяло и прошла на цыпочках к окну. По лужам, успевшим затопить дорожки и газоны, плыли желтые пожухлые кораблики опавших листьев. Поджав губы, я некоторое время смотрела на эту безрадостную картину, потомдохнула на стекло. В мутном пятне я написала две буквы «И. С.», усмехнулась, стерла их и, решительно тряхнув головой, направилась к прикроватному столику, где стоял колокольчик. Минута меланхолии миновала.

Позвонив в него, я обозначила свое пробуждение, и дверь в спальню открылась. Первой вошла деловитая Тальма. Она бросила себе за спину сердитый взгляд, после расплылась в улыбке и поклонилась:

– Доброго утра, ваша милость, хорошо ли вам почивалось? – после обернулась и объявила: – Входите. Ее милость

изволили проснуться. Ну, что топчетесь, растяпы?

В спальню впорхнули горничные. Они как-то боязливо покосились на мою верную служанку и кинулись врассыпную. Двое застилали постель, еще две понесли ведра с горячей и холодной водой в умывальню.

– Тальма, ты – тиран, – резюмировала я увиденное.

И это было правдой. Моя служанка, такая покладистая и заботливая, когда дело касалось меня, неожиданно проявила твердый характер и даже высокомерие, обрушив всё это на местную прислугу. Она командовала горничными и лакеями, если нужно было обслужить мою милость или убраться в моих комнатах. У меня невольно сложилось впечатление, будто она моя прим-фрейлина, а я сама королева. Это позабавило. Впрочем, в моей Тальме просыпался тиран только в моменты заботы обо мне. На хозяйскую половину она не посягала и никого там не трогала.

– Во всем нужен порядок, ваша милость, – ответила она, подав мне теплый халат. – Что же это вы босиком-то? Полы уже холодные, а вы даже не пожелали, чтобы камин затопили с вечера.

– Сегодня пусть затопят, – согласилась я.

– Ну что там? Проснулась?

Послышался голос моей матушки, пришедшей разбудить меня и пожелать доброго утра. На сегодня она нам наметила немало дел.

– Ой, – Тальма юркнула мне за спину и шепнула: – А вот

и тиран тиранов пожаловали.

Я прыснула в кулак, но когда старшая баронесса вошла в спальню, я успела справиться с приступом смеха, вызванного словами служанки. Главный деспот этого дома и гроза маленьких тиранов вошла в мою спальню и лицо ее смягчилось.

– Дитя мое, как же отрадно видеть вас.

– Матушка, я здесь уже третий день, – улыbnулась я и шагнула навстречу, чтобы подставить лоб для утреннего материнского поцелуя.

– И через столько же уедете снова, – вздохнула родительница и деловито потерла руки. – У нас слишком мало времени, Шанни. Приводите себя в порядок, спускайтесь в столовую, а после мы отправимся в столицу. У нас столько дел, столько дел! – воскликнула баронесса и, всплеснув руками, направилась на выход, не забыв сказать напоследок: – И не вздумайте медлить, иначе я напомню вам, что было с девицей О, когда она не желала слушать своей матери.

– Я вскоре буду, ваша милость, – ответила я и обернулась к Тальме: – Действуй, мой дорогой тиран.

– Слушаюсь, ваша милость, – поклонилась мне служанка и поспешила готовить мой сегодняшний наряд.

Вскоре я входила в столовую, где сидели матушка и Амберли. Отец уже успел позавтракать и уехать куда-то. Я не спрашивала – куда, и без того было понятно, что все мы сейчас подчинены одному действию – празднику Амбер. Его го-

товили с неменьшим тщанием, что и мое совершеннолетие. Платье, пошитое сестрице к этому дню, я уже видела. Амберли, румяная от удовольствия, показала мне его еще в день моего приезда. Наряд и вправду был восхитителен, матушка постаралась на славу. И драгоценный гарнитур уже ждал своего часа, чтобы украсить еще одну юную баронессу из рода Доло, милые туфельки на каблукках лежали в коробке, обтянутой атласом – продумано и подготовлено было всё до самой последней шпильки.

К вечеру мы ожидали прибытия магистра Элькоса, которого должен был привезти дядюшка. Моя радость и предвкушение встречи были понятны, я сгорала от нетерпения узнать, что произошло во дворце за эти три дня и как поживает Его Величество. Прекрасно понимая, что три дня – не тот срок, который может изменить давно устоявшийся порядок придворной жизни, я отчего-то ожидала новостей.

Впрочем, я попросту успела соскучиться в тишине родного дома по другим стенам, а может, и не по стенам, а по их хозяину, не покидавшему моей головы, как бы я этому ни сопротивлялась. Наверное, виной тому было обстоятельство, что здесь я не искала его взглядом, не надеялась в глубине души на случайную встречу, потому что ничего подобного в особняке баронов Тенерис произойти не могло. И вот это отсутствие надежды и заставляло меня грустить там, где надеялась выдохнуть и привести мысли в порядок. Конечно же, грусть моя была затаенной, при родителях и сестрице я

продолжала сверкать улыбкой.

– Нужно заехать к портному и выбрать вам платье на торжество, – сказала матушка, когда завтрак подошел к концу. – Жаль, что мы не можем пошить его, так как времени совсем не осталось, так хотя бы купим что-нибудь примечательное.

– Я привезла с собой платье на торжество, – возразила я.

– Неужто вы собираетесь прийти на столь важный день для вашей сестры в поношенном платье? – взметнула брови в деланном изумлении ее милость.

– Матушка, этого платья я еще не надевала...

– Глупости! – прервав меня, воскликнула родительница. – Не желаю слушать этой чепухи. Я подберу вам наряд, и закончим на этом споры.

Коротко вздохнув, я кивнула, не желая спорить. Мне было понятно, что матушка хочет позаботиться обо мне, и в этом я не стала ей мешать, лишь бы наряд мой не оказался богаче платья Амберли. Уж чего, а затмить сестрицу я вовсе не хотела, но в этом я точно не уступлю баронессе. То платье, которое привезла с собой, я посчитала наиболее подходящим. Оно было прелестно, но не вычурно, нарядно, но не настолько, чтобы вызывать восторженные вздохи. Как раз в той самой излюбленной манере дядюшки, когда он говорил: «Скромно – не значит бедно». Но старшую баронессу Тенерис подобное не устраивало, оставалось лишь покориться и зорко следить, чтобы она не переусердствовала.

– Как бы и мне хотелось поехать с вами, – вздохнула Ам-

берли.

Матушка, уже поднявшаяся из-за стола, подошла к ней и ласково потрепала по щеке:

– Терпение, дорогая, осталось всего два дня, и вы получите право выбиратья на люди.

– Ах, скорей бы, – вздохнула сестрица.

Родительница направилась к двери, а я нагнулась к уху Амбер и шепнула:

– Ты еще сама будешь просить закрыть тебя дома, когда к особняку выстроится очередь из женихов.

– Шанни! – возмущенно воскликнула сестрица.

Показав ей язык, я поспешила за матушкой, но обернулась и рассмеялась, потому что Амбер соорудила уморительную рожицу, дразня меня в ответ.

– Девочки, я всё вижу, – не оборачиваясь, произнесла ее милость. – Ваше поведение возмутительно и не подобает взрослым дамам.

– У девицы О, к примеру, от гримас лицо сморщилось, а после и вовсе отвалилось, – припомнила я, и родительница важно кивнула:

– Именно так, дитя мое. Я рада, что вы не забыли мою науку. Огорчает лишь то, что не следуете ей.

А еще через полчаса мы сели в карету и отправились в столицу. Матушка, подтянутая и строгая, поглядывала в окошко и молчала, я тоже не спешила заводить бесед. Сейчас меня вообще не угнетали никакие мысли, и я просто получа-

ла удовольствие от прогулки, пусть и в закрытом экипаже. Дождливое утро неожиданно сменилось солнечным днем, и краски осени запестрели ярким золотом, перемежаясь с рубиновыми и изумрудными вкраплениями.

Когда мы уже въезжали в город, мимо нас неспешной рысью проехал всадник на рыжем коне, и я вспомнила о моем Аметисте, на котором мне довелось прокатиться всего пару раз с того времени, как лошадей ее светлости доставили в столичную конюшню, не всех, только тех, о ком она распорядилась. Хвала богам, среди них оказался и мой любимец.

– Знаете ли, матушка, с каким занимательным скакуном мне довелось свести знакомство? – начала я, а вскоре углубилась в рассказ о чудачествах моего Аметиста, с теплотой и нежностью вспоминая самого забавного жеребца, которого мне когда-либо довелось видеть.

Родительница слушала меня с интересом, но спустя менее десяти минут моего повествования уже весело смеялась над проделками коня-афериста. Порой она махала на меня рукой, заверяя, что я всё выдумала, потому что такого не бывает. Тогда я возмущенно взмахивала руками и призывала в свидетели графа Доло, грозясь требовать с него подтверждение моей правоты. Так что до портняжной лавки, которую держал любимый портной ее милости, мы добрались, вовсе не заметив дороги.

К моему облегчению, битвы за платье не было. Моя родительница хоть и с сожалением, но купила платье, на которое

я указала.

– Амберли должна быть восхитительна, – уговорила саму себя баронесса, и наряд был выбран.

После мы побывали у ювелира, где мне было куплено новое ожерелье и браслет с сережками «к новому платью». Затем была обувная лавка, откуда мы вышли с туфельками, без которых наряд «не играл». Потом побывали у цветочника, затем у кондитера, но уже ради дня рождения Амберли. И, наконец, матушка выдохнула и сообщила, что желает навесить свою добрую подругу, мне осталось вздохнуть и следовать за родительницей.

Особняк графа Гендрика и его супруги был мне знаком лишь наглядно. Большой, в три этажа, красивый белоснежный с голубой выпуклой крышей, он всегда казался мне чем-то воздушным и... кондитерским, вроде крема на пирожном. До этой минуты я видела его только в окно кареты, когда мы проезжали мимо, и матушка показывала на него, но внутри не была ни разу. Причиной тому были правила, не позволявшие девицам появляться на людях до совершеннолетия. Если бы у их сиятельств были дочери и только дочери, то мы могли бы ездить к ним в гости, но у графской четы имелось два сына и ни одной дочери, а потому порог трехэтажного и вычурного особняка я перешагнула впервые.

Что я знала о здешних обитателях? В общем-то ничего. Только то, что могла уловить из разговоров родителей, но так как графы Гендрик для меня не были любопытной темой, то

и услышанное я не запоминала. Впрочем, графиня бывала у нас дома, и ее я знала. Приятная женщина отменного здоровья. Она мне всегда казалась похожей на булочки нашей кухарки, румяные, в сахарной обсыпке. Да и пахло от ее сиятельства так же – ванилью. Графиня Гендрик была улыбчивой простодушной женщиной, но каков ее норов, я всё равно затруднилась бы сказать, потому что обменивались мы с ней примерно одними и теми же фразами:

– Доброго дня, ваше сиятельство.

– Ах, какой прелестный цветочек, – отвечала она, потрепав меня за щеку, а после добавляла: – Слушайтесь родителей, дитя, и почитайте богов наших.

Вот и весь диалог. Ее супруга и одного из сыновей я видела на своем дне рождения, но спросите меня, что я о них запомнила, ответа не будет. Гостей было так много, что я тогда едва запомнила третью часть. А после дядюшка забрал меня во дворец, и больше я с семейством Гендрик не встречалась.

– Элиен, душа моя!

Графиня сама вышла нам навстречу. Она приветствовала мою матушку, после перешла ко мне и протянула руку, чтобы потрепать по щеке. Я отступила назад и вежливо, но прохладно улыбнулась:

– Это лишнее, ваше сиятельство, я уже не ребенок. Доброго дня, госпожа графиня.

Графиня с легким замешательством воззрилась на меня, но вскоре вновь улыбнулась и согласно кивнула:

– Разумеется, Шанриз...

– Ваша милость, – поправила я ее. – Мне приятно вновь увидеть вас, госпожа графиня, но я вынуждена напомнить – я уже не ребенок.

– Шанни, – матушка устремила на меня возмущенный взгляд.

– И тем не менее, – ответила я.

– Прошу простить мою супругу, – послышался новый голос. Граф Гендрик спускался к нам по лестнице. – Разумеется, вы уже не дитя, ваша милость. Простите уж ее сиятельству вольность, баронесса. Доброго дня.

Он поклонился моей матушке, поцеловал ей руку, после остановился напротив меня, окинул взглядом и склонил голову:

– Доброго дня, – повторил граф, но руки, разумеется, целовать мне не стал.

– Доброго дня, ваше сиятельство, – ответила я. – Рада вновь видеть вас.

Хозяин особняка учтиво улыбнулся и повел рукой в приглашающем жесте:

– Добро пожаловать, милые дамы.

Он подал мне руку, я приглашение приняла. Матушка и графиня шли за нами, и я услышала, как ее сиятельство произнесла негромко:

– Ох, Элиен, я будто дитя малое. Хоть это и странно, но я чувствую себя именно так.

– Это всё жизнь во дворце, – вздохнула баронесса. – Девочка несколько переменялась, но, уверяю, это всё та же малышка Шанни.

Не знаю, слышал ли их граф, но я сделала вид, что не слышала. Стыдиться мне было не за что, а вот терпеть, пока меня будут трепать за щеку, совершенно не хотелось.

– Как ваше здоровье, ваша милость? – спросил граф, должно быть, чтобы заполнить молчание, царившее между нами.

– Благодарю, всё хорошо, – ответила я с прежней вежливой улыбкой.

– Прошу великодушно простить меня, баронесса, но не могу не спросить, – его сиятельство бросил на меня взгляд: – Вас угнетает, когда в вас видят дитя? Вы ведь так юны еще, что не удивительно подобное обращение.

– Вот уже полгода, господин граф, никто не видит во мне дитя, – сказала я. – И я к этому привыкла.

– И вновь вы правы, – не стал спорить Гендрик. – Фрейлина ее светлости не может быть ребенком.

– Вы совершенно правы, господин граф.

– Уж извините меня за любопытство, но мы не вхожи во дворец, однако очень хочется узнать о первых людях Камерата. Наверное, вы успели за это время познакомиться с ними, наверное, даже общались?

– Дорогой супруг! – воскликнула графиня. – Ну что же вы пытаете ее милость? Мы даже до гостиной не дошли, а вы

уже с расспросами, разве же так можно?

Взгляд графа остался испытующим, и я, скрыв усмешку, ответила, пожав плечом:

– Моими партнерами по спиллу были разные люди. Са-новники, чиновники, придворные, а Его Величество научил нескольким хитростям в этой игре.

– О-о, – послышалось за моим плечом. – Сам король!

Полуобернувшись, я с улыбкой склонила голову, подтверждая свои слова.

– Государь играет в спилл? – живо заинтересовался граф.

– Терпеть его не может, но иногда играет, – сказала я и понадеялась, что вскоре от меня отстанут и беседа пойдет о чем-то, что не касается меня и моей жизни при Дворе.

Вопросы и вправду прекратились. Мы прошли в гостиную, где, впрочем, долго не задержались. Но пока находились там, меня уже не трогали. Разговаривали матушка с графиней, граф, проявив вежливый интерес, вскоре ушел, а вернулся он с обоими сыновьями, одного из которых я узнала, второго видела впервые.

Старший сын, тот самый, который был на моем торжестве, высокий поджарый блондин, похожий на свою матушку чертами, улыбнулся и склонил голову, приветствуя меня:

– Ваша милость, приятно видеть вас в нашем доме, – сказал он.

– Доброго дня, ваша милость, – более сухо поздоровался младший граф Гендрик.

Он был ниже своего брата и шире в кости. Этот отпрыск графской четы больше походил на отца, если говорить о чертах и цвете волос – его сиятельство был шатеном. А вот круглой формой лица и широкой костью явно пошел в матушку, в то время как старший взял от отца рост и фигуру. Глаза у обоих младших сиятельств были карими, как у родителя. Что до характера, то мне показалось, что старший и это взял от матери, а младший был несколько заносчив, и это напомнило старшего графа.

– Доброго дня, господа, – учтиво ответила я.

После произошел обмен несколькими ничего не значившими фразами, и нас пригласили в столовую. И вот тут я ощутила прилив подозрительности. Сложив одно с другим, я сделала вывод – нас ждали. Графиня быстро вышла навстречу, о желании отобедать с семейством нас даже не спросили, а сразу пригласили в столовую. Но зачем? Ответ был перед глазами – молодые люди. Я устремила на матушку задумчивый взгляд. Неужто решила показать мне потенциальных женихов? Сказал ли ей дядюшка о желании государя лично одобрять тех, кто будет просить моей руки? Хотя... может, я и поторопилась с выводами... Однако с этой минуты я решила наблюдать за происходящим.

Обед проходил в молчании, как и предписывал этикет. Поданные блюда были изысканы и вкусны, но мне не лез кусок в горло. На меня поглядывали все, кто находился за столом, пожалуй, кроме младшего Гендрика, бывшего старше

меня всего на два года. Он смотрел в свою тарелку, и меня это устраивало. Но все остальные, включая мою матушку, словно считали своим долгом непременно обратить на меня взор. Старший граф Гендрик поглядывал с изучающим интересом, его супруга кидала короткие любопытные взгляды, моя матушка округляла глаза, возмущенная тем, что я ковыряю в тарелке и почти не отправляю ее содержимое в рот. А наследник графа... Он не изучал меня, но и ему я явно была интересна. Когда мы встретились взглядами, его сиятельство улыбнулся, я растянула губы в ответной вежливой улыбке.

– Отчего же вы совсем не едите, ваша милость? – наконец не выдержала графиня. – Разве же у нас готовят хуже, чем в королевском дворце?

– Отнюдь, ваше сиятельство, – ответила я, отложив вилку и нож. – Блюда, поданные к обеду, необычайно вкусны. У вас умелый повар.

– Так отчего же вы совсем не едите? – не пожелала отстать от меня хозяйка дома.

– Думаю, дорогая маменька, – подал голос младший отпрыск Гендриков, – ее милость попросту чувствует неловкость. Мне бы тоже кусок не лез в горло, если бы на меня смотрели столь пристально. Простите их, баронесса, – он обернулся, за время обеда впервые на меня посмотрев.

– Неужто мы так назойливы? – изумилась графиня.

– Похоже, что так, – согласился с младшим сыном отец. – Приношу и мои извинения, ваша милость.

– Ох, – ее сиятельство прижала ладонь к груди, вдруг зарумянившись еще больше. – И вправду неловко вышло.

– Ничего ужасного не произошло, – заверила я графиню, а после посмотрела на неожиданного помощника: – Благодарю, ваше сиятельство.

– Не за что, ваша милость, – откликнулся молодой человек, промокнув рот. – Я сам недавно оказался в подобной ситуации, когда был приглашен в дом девицы, отец которой решил заполучить в моем лице жениха для дочери. Столь пристальное внимание неприятно и изрядно портит настроение.

– И что же? – живо заинтересовалась я. – Вас можно поздравить, ваше сиятельство? Помолвка уже была оглашена?

– Никакой помолвки не будет, – отчеканил его отец. – Девица ему не ровня. Ее папаша – коммерсант... Коммерсант! Подумайте, какая наглость! Решил сотворить из своей дочери графиню. Нет, приданое за нее дают весьма недурное, не могу этого не признать, но чтобы столь неравный брак... – он развел руками.

– Ужасно, – вздохнула его супруга.

– Как же такое могло произойти? – изумилась моя матушка, еще, похоже, не зная о данном происшествии.

– О, не спрашивайте, ваша милость, – сердито отмахнулся старший граф. – Бран всегда найдет себе приключений. Хвала богам, наш старший сын – Элдер, благоразумен и не водит дружбу с личностями, чья репутация, увы, не радует.

– Оставьте, отец, – отмахнулся Бран. – Для вас все, кто хоть на толику не похож на вас, становятся людьми с дурной репутацией.

– Остановитесь, молю вас! – воскликнула графиня. – Что же вы при гостях спорите?

Я улыбнулась и сделала закономерный вывод – в женихи предназначен лишь старший сын, иначе младшего не отчитывали бы при нас с матушкой. А раз так, то я решила уделить больше внимания тому, кто окажется неугоден моим родителям своими сомнительными связями. Впрочем, кокетничать я не собиралась.

– И что эта девушка, ваше сиятельство, – снова обратилась я к Брану. – Она мила вам?

– Признаться, девица прелестна, – ответил тот. – Если бы не ее низкое происхождение, я бы задумался о нашем браке.

– Вам, конечно же, неизвестно, – улыбнулась я, – но мажордом ее светлости герцогини Аританской – барон Гард, женат на дочери коммерсанта, и Его Величество возражений против этого брака не имел. Его милость души не чает в своей жене и их сыне.

– Вот как, – приподнял брови младший граф. – Стало быть, король не был против неравного брака?

– Он не нашел в нем ничего дурного, – ответила я.

– Но подождите, – вмешался глава семейства. – Что же подвигло барона на эту женитьбу? Хорошее приданое? Дела его милости были плохи, раз он решил связать свою судьбу

с девицей низкого сословия?

– Скорей уж среднего класса, – заметил его старший сын.

– Элдер, помолчите, – отмахнулся родитель, – ваше по-творство брату нам прекрасно известно. Так что же стало причиной, ваша милость?

– Любовь, – ответила я и вновь взялась за приборы. – Барон Гард полюбил эту девушку. Что до ее приданого, то его вовсе не было. Отец ее милости был на грани банкротства, и это муж его дочери помог тестю избавиться от долгов и вновь встать на ноги. Как видите, никакого плачевного состояния дел барона.

– Уму непостижимо, – старший граф откинулся на спинку стула. Он побарабанил по столу пальцами и покачал головой. – Куда катится этот мир... Но неужто государь совсем не был возмущен? А герцогиня?

– Ее светлость – мудрая женщина, – сказала я. – Она ценит людей не за то, на ком они женаты, а за их личные качества. Что до государя, то он даже не рассердился, что от него поначалу скрыли этот брак.

– Все-таки скрыли! – торжествующе воскликнул граф.

– Разумеется, ваше сиятельство, – склонила я голову, соглашаясь. – Наше общество полно предубеждений, и порой невинные вещи вызывают бурю протеста. Однако наш государь – человек умный, просвещенный и справедливый. Он не был возмущен или раздосадован и одобрил брак, пусть и не сразу.

Конечно, я несколько лукавила. Никому неизвестно, как король отреагировал бы, если бы барон просил одобрения на свой брак, и я точно знаю, что ему не понравилось, если бы Фьер привез жену во дворец. Ведь именно так звучала фраза Его Величества: «В своем поместье барон может делать всё что угодно». Но этого графам Гендрик знать было не нужно. Как и всего прочего, что было связано с высочайшим одобрением.

У меня мелькнула иная мысль – почему бы и нет? В наш последний откровенный разговор с государем о моих устремлениях он сказал – должны быть предпосылки к переменам. Так почему бы и не смешение сословий? Нет, не так. Почему бы не начать с изменения взглядов аристократии на средний класс? Воспитание дочери коммерсанта подчас ничуть не хуже воспитания дочери аристократа. К тому же свежая кровь еще никому не вредила. Да, пора бы уменьшить дворянскую спесь. Она ведь не мешает бежать к банкиру и занимать у него деньги, так отчего же мешает брать в жены девицу менее благородную, чем жених, причем, только по рождению? А когда взгляды станут шире, можно будет ратовать и за права женщин...

– Уму непостижимо, – повторил граф и вернулся к обеду. «То ли еще будет, ваше сиятельство... надеюсь», – подумала я. Мои сотрапезники, озадаченные новостью, более на меня внимания не обращали... кроме младшего Гендрика. Он как раз теперь время от времени бросал в мою сторону

задумчивые взгляды, но меня это уже не смущало. Впрочем, его старший брат тоже не утратил интереса, и когда после обеда подали горячительные напитки, Элдер Гендрик произнес:

– Позвольте мне провозгласить нашу гостью очаровательнейшей девушкой.

Усмехнувшись про себя, я подумала, что его сиятельство занизил мою восхитительность. Дренг уже признал меня во всеуслышание первой красавицей Камерата. Естественно, этого я не сказала, но кивнула графу и вежливо улыбнулась. Никто возражений не имел, и моя очаровательность была подтверждена еще двумя мужчинами и двумя дамами. Я как благовоспитанная девица проигнорировала бокал вина, пусть и разбавленного, и довольствовалась водой.

Закончить визит после того, как вас накормили – это дурной тон. В гости вы заехали не поесть, а поговорить с приятными вам людьми, навестить их и напомнить о своем добром расположении. После того, как вы встали из-за стола, необходимо было провести в гостях как минимум еще один час, но не более трех, иначе можно было утомить хозяев своим присутствием. Задержаться этикет позволял только в случае, если настаивали сами хозяева, и вы видели, что делают они это не ради того же этикета, который имел для принимавшей стороны собственные правила.

Мы с матушкой провели в особняке графов Гендрик, после того как встали из-за стола, уже полтора часа. Я счита-

ла, что этого времени более чем достаточно, и можно было бы отправиться домой, где я непременно обсужу с Амберли матушкину затею. А мне не терпелось сделать это, потому что чем больше проходило времени, тем сильнее становилось мое раздражение.

О нет! Элдер Гендрик был чрезвычайно мил. Он не давил на меня своими намерениями, хотя явно имел их, потому что не отходил от меня ни на минуту с тех пор, как мы переместились обратно в гостиную. А спустя четверть часа после этого нас отправили любоваться зимним садом и коллекцией картин старшего графа. Отказаться было бы дурным тоном, и я покорилась.

Сопровождал меня только старший сын, младший остался сидеть в гостиной, хотя я отметила, как он бросил взгляд на нас с его братом, а после на дверь. Сидеть с родителями и старшей баронессой Тенерис ему не хотелось. Думаю, он бы с радостью и вовсе покинул наше общество или хотя бы прогулялся со мной и с братом, но вопрос матери остановил его, и Брану пришлось ввязаться в беседу.

Признаться, я бы предпочла общество младшего Гендрика уже потому, что ему до меня не было никакого дела, и мы и вправду могли бы недурно поболтать. Однако мне достался старший брат, и он был вежлив, учтив и предупредителен, но взгляд, часто задерживавшийся на моем лице, а порой и несколько ниже, вскоре начал меня злить. Я уже была достаточно опытна, чтобы разглядеть в мужском взоре интерес. И

у Элдера он имелся.

В зимний сад мы спустились, почти не разговаривая. Он оказался огромен. Здесь даже имелся небольшой фонтан, куда меня и подвел его сиятельство. Я присела на ажурную скамейку, но вдруг перед моим внутренним взором встала иная сцена. Поздний вечер, зеленые стены лабиринта, в которых прятались сигнальные бабочки-светлячки, фонтан и мужчина рядом со мной в костюме лесного разбойника...

– Ох, – тихо вздохнула я, прижав к груди ладонь, а после поднялась со скамеечки и рассеянно улыбнулась: – Давайте пройдемся, ваше сиятельство. Мы уже немало посидели, недурно бы и ноги размять.

– Всё, что вы пожелаете, ваша милость, – ответил Элдер с галантным поклоном. – Тогда позвольте показать вам весь сад, у нас есть и редкие растения.

Мы брели между кадками, вмурованными в пол, и от этого казалось, что растения растут из земли. Иллюзия сада была почти полной, если не считать прозрачные стены и крышу. Мы будто и вправду брели по аллейке летнего парка. Здесь было тепло и светло, где-то щебетала птица, а над цветами порхало несколько бабочек. Граф протянул руку, и одна из них села ему на палец. Элдер протянул руку, пересадил бабочку мне на волосы и улыбнулся:

– Вы прелестны, ваша милость. Я помню ваш день рождения и какой вы тогда были.

– Измученной знакомствами? – спросила я с иронией.

– Раздурманеннейшейся, взволнованной, – возразил его сиятельство. – И глаза ваши сияли. Вы показались мне такой же нежной и легкой, как эта бабочка.

– Благодарю, – немного сухо ответила я.

– Вам не за что благодарить меня, баронесса, – улыбнулся Элдер, – я не делаю вам комплимент, лишь озвучиваю свои наблюдения.

– Тогда благодарю за наблюдения.

Мы замолчали и побрели дальше. О чем говорить с человеком, который знает, что ему привели потенциальную невесту, я не знала. Хотя нет. Прекрасно знала, что сказать, но это было бы невежливо и даже оскорбительно, а потому продолжала молчать и скользить взглядом по растениям. В какой-то момент граф присел, и я поняла, что сейчас он сорвет для меня цветок, а так как он был маленький, то, скорей всего, воткнет его мне в волосы, тем более бабочка уже упорхнула, и место освободилось...

– Не стоит срывать цветы, ваше сиятельство, – поспешила я остановить его, потому что вновь перед моим взором был другой мужчина и берег озера. Мало того, что меня рассердило это наваждение, так еще и не хотелось давать какой-либо надежды, принимая даже такой незначительный дар и позволив ухаживание.

– Цветов еще останется много, – заметил Элдер.

– И все-таки пусть растет, – сказала я и прошла дальше. – Я люблю цветы в их цветении, а не увядании.

– Хорошо, – сдался молодой человек. – Пусть будет по-вашему, баронесса.

Мы прошли еще немного в молчании. Надо было о чем-то говорить, чтобы избежать возможных комплиментов, которые окажутся констатацией наблюдений его сиятельства.

– Послезавтра день рождения моей сестрицы, – произнесла я. – Матушка изрядно потрудилась, праздник обещает быть не хуже моего торжества в честь совершеннолетия.

Эта тема показалась мне подходящей, потому что это было единственным, что как-то связывало нас с графом – он видел мой праздник.

– День вашего рождения забываем, – ответил граф. – Ваши родители постарались на славу. Послезавтра у нас будет шанс полюбоваться праздником баронессы Мадести-Доло.

– Вас пригласили? – спросила я, как можно дружелюбней, чтобы не обидеть.

– Да, – кивнул Элдер. – Наши родители приятельствуют. Мы будем все вместе, Бран тоже приедет.

А вот и жених для Амберли... Надеюсь, матушка, услышав о другой девушке, не станет навязывать младшего Гендрика сестрице. Судя по его задумчивости после моего рассказа, Бран не так уж и равнодушен к дочери коммерсанта, и всё, что его останавливает – это запрет отца. Нет уж, Амбер подобного не надо... А потом мне пришла мысль, что моя родительница решила выдать нас обеих за братьев, чтобы мы

с сестрицей были ближе друг к другу. Хмыкнув от этой догадки, я покачала головой.

– Что вас позабавило, ваша милость? – спросил граф.

– Нет-нет, ваше сиятельство, – ответила я. – Не принимайте на свой счет. Так, мимолетная мысль, не связанная ни с вами лично, ни с вашей семьей.

– Поделитесь?

– Прошу великодушно простить меня, господин граф, но мысль на то и мысль, чтобы оставаться в голове подумавшего ее. Уж не обессудьте.

– С вами я готов соглашаться во многом, ваша милость, – улыбнулся мне Элдер и подал руку. – Если вы уже насладились видом сада и не желаете здесь задерживаться, то предлагаю осмотреть картинную галерею моего отца. Там есть примечательные работы.

– С удовольствием, – искренне улыбнулась я.

– Вы любите живопись?

– Я поклонница разных видов искусств, живопись входит в их число.

– Возможно, вы недурно рисуете или музицируете? – любопытствовал граф Гендрик. – Мне отчего-то кажется, что у вас красивый голос.

– Поверьте, вам лучше не слышать моего исполнения, – рассмеялась я. – Я – ценитель, но не исполнитель. К сожалению, я обделена талантами.

– Вы лукавите, – усомнился Элдер. – Или же кокетнича-

ете.

– Этого таланта я тоже лишена, – усмехнулась я. – Возможно, я очаровательна, но это мой единственный дар.

– И он искупает отсутствие всех прочих, – улыбнулся его сиятельство. – К тому же суметь оценить чужое творение – это тоже своего рода дар. Поэтому я продолжаю настаивать, что вы себя недооцениваете.

– Ну что ж, придется довериться вам, – сказала я с ответной улыбкой.

– И это весьма мудрое решение, – негромко рассмеялся граф. – Идемте в галерею.

– Идемте, – легко согласилась я и воспользовалась предложенной рукой.

Галерея у Гендриков тоже была недурна. О том, что не все полотна принадлежат кисти своего автора, мне сказал сам Элдер. Но, признаться, я бы и не определил подделки, до того хорошо были сделаны копии.

– Эту написал я, – сказал его сиятельство и заметно смутился. – Я не хвастаю, не подумайте. Просто... признался.

– Неужели? – живо заинтересовавшись, спросила я и подошла ближе к указанной картине. Там и вправду стояли инициалы «Э.Г.». Это был пейзаж. Живописное место с видом на небольшой водопад. Краски казались до того живыми, что даже захотелось протянуть руку и подставить ладонь под холодные струи. Восторженно охнув, я обернулась и воскликнула: – Но, помилуйте, ваше сиятельство, это же восхи-

тительно! Боги, до чего же чудесно у вас вышло... – Я вновь смотрела на картину. – У вас случайно нет магического дара? Я будто стою перед этим водопадом и даже слышу, как вода падает вниз.

– Нет, – он рассмеялся, – магии в нашем роду нет, и не знаю, был ли хоть кто-то из предков одарен этой милостью богов. Просто я люблю живопись.

– Да вы мастер право слово, – я отошла на шаг и снова приблизилась к картине.

– Рад, что вам понравилось мое баловство, – он улыбнулся, а я рассердилась:

– Что значит – баловство? Это талант! И не смейте принижать своего мастерства, ваше сиятельство.

Он с минуту помолчал, а после попросил:

– Позвольте мне оставить вас ненадолго, ваша милость, я хочу вам кое-что показать.

– Да, конечно, – кивнула я. – Мне есть чем заняться, пока вы не вернетесь.

– Я скоро, – заверил меня Элдер и удалился стремительным шагом.

Еще немного постояв рядом с его картиной, я перешла дальше. Теперь мне было интересно узнать, если тут еще картины, принадлежавшие кисти его сиятельства. А пока рассматривала, мне пришло на ум, что копии известных картин мог тоже писать он, потому они и висят в галерее старшего графа. Скорей всего, так и было, потому что вряд ли

его сиятельство стал бы завешивать свои стены подделками.

Элдер вернулся, когда я не дошла еще и до середины галереи. В его руках был альбом, и я ощутила прилив любопытства. Посмотреть наброски работ мне всегда было интересно, как и готовые, только рисованные карандашом.

– Прошу, не прогневайтесь, – граф вновь выглядел смущенным, – но... вот.

Он передал мне альбом, открытый им на определенной странице. Взглянув, я изумленно приподняла брови и посмотрела на его сиятельство. Он рассеянно улыбнулся.

– Это я?

– Вы, ваша милость, – ответил он. – Зарисовал по памяти после вашего торжества. Хотел после написать портрет красками, но вы отбыли на службу во дворец, а я оставил себе набросок.

– По памяти? – не поверила я. Рисунок был удивительно точен.

– У меня хорошая память, баронесса, – усмехнулся граф.

Я еще некоторое время рассматривала свой портрет, после своевольно перевернула страницу и вновь увидела себя, но уже в полный рост. Платье, в котором была на празднике в честь совершеннолетия, я помнила прекрасно и узнала сразу. А еще дальше я была запечатлена во время танца, и моим партнером был сам Элдер Гендрик.

– Уж простите меня за смелость, – произнес его сиятельство и отвернулся, потому что теперь не только взгляд его

был смущенным, но покраснели и щеки.

– Ничего, – пробормотала я. – Мы ведь с вами танцевали.

– Я не думал, что вы запомните это. Партнеров за вечер у вас было немало.

Элдер стоял по-прежнему ко мне спиной, заложив руки за спину. Дальше переворачивать я не стала, опасаясь найти еще одно свое изображение, да, признаться, сама ощутила неловкость, потому что начала листать альбом без разрешения. Мне показали только один рисунок. Возможно, эти его сиятельство не собирался демонстрировать...

– Пожалуй, нам лучше вернуться к нашим родителям, – произнесла я и протянула злополучный альбом графу. – Благодарю, ваше сиятельство, я польщена.

Граф обернулся, забрал у меня альбом, а после спросил:

– Вы не против, если я все-таки напишу ваш портрет в красках? А если окажете мне милость, то я бы хотел нарисовать не по памяти, а с натуры.

– Я не принадлежу себе, – извиняющимся тоном, ответила я. – Вскоре я возвращаюсь во дворец, и у меня не будет возможности покидать его.

– Но если когда-нибудь сможете мне позировать...

– Я с удовольствием сделаю это, – заверила я, слабо веря в то, что подобное произойдет.

– Вы сделали меня счастливым, ваша милость, – улыбнулся граф. – И... простите за рисунки.

– Мне не на что сердиться, – ответила я.

Вскоре его сиятельство вернул свой альбом туда, где взял, а меня в гостиную. Просидев еще некоторое время за беседой, больше утомлявшей, чем увлекавшей, моя родительница наконец решила возвращаться домой. Мы распрощались с графским семейством, обменялись приглашениями, и я вздохнула полной грудью, радуясь обретенной свободе.

– И как вам показался граф Элдер? – спросила матушка с живейшим интересом, когда мы уже ехали в карете.

– Его сиятельство учтив, – ответила я.

– И только? А мне он очень нравится. Весьма приятный молодой человек. Вы видели картины? Некоторые принадлежат его кисти. Чудесные работы.

– Работы хороши, матушка, – не стала я спорить. – Однако художник не вызвал у меня желания выйти за него замуж, – родительница открыла рот, но я продолжила, не дав ей заговорить: – Мне понятен наш сегодняшний визит. Вы устроили мне смотрины. Эта прогулка по особняку, романтическая часть в зимнем саду, а после главное достоинство жениха – его талант. Я не растрогана, матушка, и графиней Гендрик быть не собираюсь. Надеюсь, что Амберли вы не станете навязывать младшего графа. Его сердце уже занято, и я не желаю сестрице участь жены при муже, который будет думать о другой женщине. Амбер будет несчастна. А вот Элдер мог бы ей подойти.

– Но он увлечен вами! – воскликнула баронесса. – И что, в конце концов, за тон? Вы меня поучаете? Бран Гендрик

– прекрасная партия для Амберли. Он молод, недурен собой...

– И влюблен в другую, – напомнила я.

– И что такого? – матушка легко отмахнулась: – Его родители никогда не одобряют неравный брак, а наша малышка Амберли сумеет очаровать его. Бран неглуп, он быстро смирится. К тому же, если вы выйдете замуж за Элдера, то сможете поддержать сестру и вразумить деверя.

– Не будем спорить, – сказала я, не желая ссориться с родительницей.

У меня была Амбер, которой я могла объяснить, во что может превратиться брак с мужчиной, который влюблен в другую. К тому же у сестрицы должен быть выбор, и он точно будет. Благодаря мне и дядюшке баронессу Мадести-Доло будут желать взять в жены многие. Два родственника, которые служат в королевском дворце – это отличная рекомендация.

– Впрочем, не хотите Элдера, молодых людей и без него немало, хотя я на стороне графа, – ответила матушка.

Я растянула губы в улыбке и решила дождаться дядюшку, чтобы пожаловаться ему и заручиться поддержкой. А потом у нас еще оставался король, который желал лично одобрить кандидата мне в мужья. Так что ее милость могла благоволить кому угодно, последнее слово будет за государем. Лишь бы не сказал «да»...

Глава 3

– Девочка моя! Как же вы очаровательны, не устаю вами восхищаться!

Раскинув руки, ко мне направлялся магистр Элькос – верховный маг Камерата и старинный друг моей семьи. Я поспешила ему навстречу, сияя искренней улыбкой. Мы обнялись, и я подставила щеку для поцелуя. Присутствие уже прибывших гостей меня нисколько не смущало.

– Доброго вам дня, дорогой господин Элькос, – произнесла я. – Как же отрадно видеть вас.

– Его Величество справлялся о вашем здоровье, Шанриз, – не понижая голоса, известил меня маг. – Он прислал вам и вашей семье наилучшие пожелания.

– Это так мило со стороны государя, – ответила я, продолжая сиять улыбкой. – В добром ли здравии наш господин и повелитель?

– Мне бы каплю его здоровья, я бы разом помолодел лет на двадцать, – отмахнулся магистр, и мы рассмеялись.

Это был спектакль, рассчитанный на благодарных зрителей. Так мы с Элькосом увеличивали вес баронессы Мадести-Доло в глазах света. Ее родственница получает пожелание здоровья от короля через первого мага королевства и персоны, особо приближенной к Его Величеству. Разве не было бы славно заполучить такую родню? Это же превосход-

ная партия, ну что вы!

Глаза магистра сверкнули лукавством и весельем, когда мы отошли с ним в сторону от гостей, и Элькос сказал уже негромко:

– А между тем всё это правда, дорогая. Он спрашивал о вас и просил передать наилучшие пожелания.

– Государь... – я отвела взор, – он больше не злится на меня?

– На вас? – магистр удивленно приподнял брови. – Когда это он злился на вас, Шанни?

– Вы понимаете, о чем я говорю, магистр, – с ноткой досады ответила я.

– Так это не злость, девочка моя, это страдания отвергнутого мужчины, – маг улыбнулся. – Ничего, и государям порой полезно испить эту чашу. То, что легко идет в руки, не ценится столь высоко, как то, что получено путем борьбы и усилий.

– Он отверг мои идеи, – проворчала я.

– А как вы думали? Конечно же, отверг, ибо они по своей сути бунт против всех законов, которые охраняет королевская власть, – развел руками Элькос. – Но видите ли, Шанни, вы молоды и пока еще столь гибки, чтобы идти к своей цели извилистым путем. Однако не можете не понимать, что нужно нечто... Эм-м, право неловко такое говорить, но раз уж мы начали, то стоит и закончить.

– О чем вы? – нахмурилась я.

– Я о том, что ничего на этом свете не дается просто так. Вы хотите сразу получить желаемое, не прилагая к этому никаких усилий, кроме как сближение с монархом. Более того, вы хотите, чтобы он исполнил вашу мечту за ваши же красивые глазки. Поверьте, они стоят поклонения, но не перемен, которые могут вызвать смуту и протесты. И чтобы он пошел на это, нужно много больше, чем предлагаемая ему дружба. Вы понимаете, о чем я говорю? О нет! – магистр вскинул руки: – Ни в коем случае не думайте, что я пытаюсь быть сводней, особенно после того, как сам был резко против ваших... близких отношений с государем. Нет, я всего лишь пытаюсь объяснить, что мало играть с ним в спилл или гоняться на лошадях. Ничего из этого не заставит его нарушить то, что писали еще его предки. Впрочем, можно водить за нос обещаниями, только нужно отдавать себе отчет, что однажды он потребует исполнить обещанное. И, не получив... вот тогда он разозлится. Но есть и еще один путь, – я вскинула глаза на Элькоса, и он усмехнулся. – Поразительно, дорогая, насколько же вы похожи с вашим неприятелем и соперником. И он, и вы готовы поступиться своими чувствами в угоду иной цели. Правда, идеи у вас разные: у него – процветанию его земли, у вас – мифическое общее благо. Только герцог пройдет по трупам, а вы стараетесь не испачкаться. И все-таки в вас немало схожих черт, а значит, есть все шансы на успех. Расчетливость – не такая уж и дурная черта характера.

– Вы сказали о другом пути, – чуть раздраженно напомни-

ла я. Сравнение меня с герцогом Ришемским, доставившим мне немало тяжелых минут, было неприятно.

– Найти сторонников, – улыбнулся маг. – Если это уже партия со своей позицией, то шансов на успех может быть немало. Только вот, опасаясь, даже если вы и обратите в свою веру достаточно людей, а главное, мужчин, то вас не станут принимать всерьез, потому что вы женщина. Или же вам придется остаться в тени, и славу реформатора сыщет тот, кто будет представлять ваши интересы. Если, конечно, дело будет иметь успех. Но это годы, дорогая, долгие годы, много сил, труда, финансов, а в итоге может ожидать крах. Вы положите свою жизнь на алтарь, но прослывете безумицей. Вам решать, Шанриз, только вам. Впрочем, – он взял меня за плечо, – сейчас не время и не место для подобных разговоров. Скоро мы будем лицезреть вашу сестрицу, и не стоит омрачать ей праздника нашими задумчивыми лицами.

– Этого делать я вовсе не собираюсь, – ответила я. – Праздник Амберли станет лучшим событием этого сезона, а может, и не только этого.

– Я в вас ни минуты не сомневался, – рассмеялся магистр.

– О чем вы секретничаете?

Мы с магистром дружно обернулись и встретились взглядом с... графом Дренгом. Я изумленно хмыкнула, но искренне улыбнулась:

– Ваше сиятельство! Вот уж неожиданность, но весьма приятная, – произнесла я.

– Меня прислал государь с его поздравлением и подарком, – ответил граф. – И я не стал отказываться от этой чести, заведомо зная, с кем тут встречаюсь. Ваша милость, позвольте вас заверить – для меня вы по-прежнему первая красавица Камерата, – он широко улыбнулся. – Но позвольте ли мне уже не кричать об этом?

– Я настаиваю, чтобы вы промолчали, – ответила я. – Сегодня в этом доме только одна красавица, и вот это я требую признать.

Дренг прижал ладонь к груди и склонил голову:

– Пусть я еще не имел чести видеть ее милость баронессу Мадести-Доло, но заведомо уверен, что она очаровательна. А знаете, что меня несказанно радует? – мы с магистром ответили вопросительными взглядами, и сиятельный плут доверительно сообщил: – Сегодня я могу пригласить на танец нашу милую баронессу Тенерис-Доло раз сто, и никто не прожжет мне спину взглядом. О-о, это восхитительное чувство вседозволенности! – и он мечтательно прикрыл глаза.

– Смею напомнить о своем присутствии, ваше сиятельство, – усмехнулся магистр.

– А я напомню о своем, – к нам приблизился дядюшка. – Пожалуй, стоит установить рамки вашей вседозволенности.

– Умеете же вы испортить удовольствие, – фыркнул Дренг, адресуя упрек разом магу и главе моего рода. После приставил к губам ладонь и шепнул, глядя на меня: – Но вы хоть на моей стороне, ваша милость?

– Я скована правилами и этикетом, ваше сиятельство, – я с фальшивым вздохом развела руками.

– Пусть горят все правила с этикетом вместе, – возразил «вольнодумец», и магистр рассмеялся:

– А вот вам и первый сторонник, ваша милость.

– Готов на всё за пару танцев с вами, баронесса, – браво отвечивал Дренг. – К моему прискорбию, девяносто восемь танцев мне ограничили, но на два я точно претендую... а может, и на три.

Между тем гости продолжали прибывать. К сожалению, время года, несмотря на установившуюся солнечную погоду, не позволяло устроить праздник в парке, как это было на мой день рождения, приходилось довольствоваться особняком. Приглашенных было намного меньше, чем в конце весны, но всё равно гостей было немало. Здесь присутствовал почти весь цвет столицы. Матушка с батюшкой пригласили всех, кого посчитали важными персонами, а главное, семейства, где имелись молодые люди, которые могли стать выгодной партией для их воспитанницы.

Посмотрев на Дренга, я подумала, что он не женат. А еще был любимцем короля, богат и выгоден со всех сторон. К тому же приятен внешне и веселого нрава... слишком веселого. Да и дам обожал, насколько я была наслышана о нем. Пожалуй... нет. Для нашей скромницы и хорошей девочки требовался мужчина иного склада. Она была мечтательницей, а граф мог лишить Амбер иллюзий. Да и не хотелось, чтобы

сестрицу испортила придворная жизнь. Чтобы она следовала моде на выгул книг или словоблудию на тему коневодства и конных прогулок, не имея к этому склонности. Или еще что-нибудь в этом роде, а она последует, потому что придерживается общих убеждений. И его сиятельство был мною окончательно отвергнут.

– Магистр, я чувствую вашу руку, – произнес граф негромко. – Позвольте принести вам свое восхищение, работа, как всегда, великолепна.

И это было так. Маг украсил дом на славу. Здесь были и картины, вдруг напитавшиеся жизнью настолько, что на пейзажах деревья покачивались от ветра, игравшего в их кронах, а лица на портретах были полны эмоций. Кто-то раскланивался с гостями и желал приятно провести время, а кто-то заводил беседу о погоде или вспоминал старые времена. Разумеется, всё это было иллюзией, и люди на картинах повторяли набор одних и тех же фраз, иногда с маленькими вариациями, чтобы создать видимость живого общения. И все-таки это была всего лишь иллюзия беседы.

Колонны были увиты гирляндами цветов. Цветы были настоящими, но среди них порхали бабочки, сыпавшие со своих крылышек искрящуюся пыльцу. А чтобы хоть немного смягчить меланхоличное настроение осени, потолок превратился в ясное летнее небо, по которому ползли редкие облака и летали птицы. Еще были большая столовая и бальная зала, где магистр тоже успел побывать. Я точно знала, что

во время первого танца, в котором глава рода будет вести Амберли, над их головами разольется сияние и засверкают искры фейерверка, созданного магически, а потому бесшумного и безопасного. По стенам бальной залы должны скользить тени танцующих пар – очередное детище Элькоса.

– Жаль, я изрядно израсходовал свои накопители за лето, потому не смог сделать что-то более грандиозное, – услышала я ответ мага. – Но я старался и из своих скромных ныне запасов сотворить нечто удивительное.

– И вам это удалось, – улыбнулся дядюшка.

– Всё чудесно, – заверила я магистра. – Мы все в восторге.

– Согласен, – кивнул Дренг и шепнул мне: – Четыре танца.

Вы ведь не откажете мне, ваша милость?

Я перевела на него удивленный взор.

– Дам на празднике много, неужто опасаетесь, что вам может не хватить пары?

– Я опасаюсь, что выбора у меня будет в избытке, – ответил граф. – Посмотрите, сколько здесь повзрослевших девиц, которые, будьте в этом уверены, желают выйти замуж. А их родители желают, чтобы замужество было выгодным. Я – приближенный Его Величества, я очень выгоден. К тому же я прекрасен, как сам Годбит, они меня на части порвут.

– Вы сравнили себя с самым красивым из богов? – полюбопытствовал Элькос. – Успокойтесь, ваше сиятельство, самое большое, на что вы можете рассчитывать, это на некую отдаленную схожесть со Смедом.

– С Великим кузнецом? Но позвольте, он же совершенно непропорционален: худ и с огромными руками, – возмутился Дренг. – К тому же одноглаз!

– Я же сказал – отдаленно, – напомнил маг. – До Смеда вы немного не дотягиваете даже с двумя глазами.

– Ваша милость! – воскликнул уязвленный дворцовый хлыщ. – Я требую защитить меня от этого злого и ядовитого колдуна. Иначе я не отойду от вас весь вечер.

– Хорошо, – пожала я плечами. – Неженатых молодых людей с жадой выгодно жениться здесь тоже немало.

– Хвала Хэллу! – воздел руки к потолку-небу неугомонный граф.

– Ваш Покровитель – Хэлл? – я посмотрела на него с интересом.

– Нет, но он ваш покровитель, и я возношу ему хвалу, чтобы не позволил вам переменить свои намерения. Но, – поспешил заверить меня Дренг, – я всегда был большим почитателем Бога Счастливого.

– Тихо, – одернул его граф Доло. – Сейчас появится Амберли. Барон и баронесса Тенерис только что подошли. Значит, последние гости прибыли. Идемте.

Прекратив всякие разговоры, мы направились туда, где остановились мои родители. Пройдя сквозь столпотворение, мы с дядюшкой встали в первом ряду, где уже были его сыновья со своими женами. Приветственно кивнув им и получив ответный поклон, я замерла в ожидании. Магистр Эль-

кос устроился за моей спиной, граф Дренг остановился рядом со мной. Он был личным посланцем короля и должен был стоять среди родственников.

– Боги, я волнуюсь, – прошептала я. – Будто это я сейчас предстану перед гостями.

– Как-то очень запоздало, – едва слышно усмехнулся дядюшка. – Вам стоило волноваться на собственном представлении свету, о чем вы тогда явно забыли.

– Я волновалась, – возразила я.

– Пока охотились? – шепнул из-за спины магистр.

Дренг хмыкнул, губы дядюшки скривила ухмылка. Я полуобернулась, бросила возмущенный взгляд на Элькоса, он только в недоумении приподнял брови. А потом заиграл оркестр, сидевший на балконе большой залы, где мы ждали появления Амберли, и я больше не крутила головой, потому что час настал. Двери в залу открылись, и все наши взгляды устремились на нее.

Румяная от смущения, Амберли вплыла в залу, опустив сияющие глаза. Она была необычайно хороша в эту минуту. Этакое воздушное видение, полное чистоты и нежности. Черные, будто ночная мгла, волосы струились по плечами подвитыми локонами, а в них звездами сияли бриллиантовые цветы с жемчужной сердцевинкой. Тонкую длинную шею украшало изящное колье, и оно выгодно контрастировало с чуть смугловатой кожей моей сестрицы. Ее нежно-голубое платье с белым удачно подчеркивало синеву глаз, при-

крытых длинными черными ресницами. Матушка знала, что выбрать, в этом она была настоящим мастером. О-о, она была прекрасна, моя Амберли!

Прижав к груди ладони с переплетенными пальцами, я в великом умилении смотрела на сестрицу и искренне радовалась тому, насколько она сейчас хороша, как мила и грациозна. Я гордилась ею, будто это было мое собственное дитя! И когда Амбер присела в заученном до зубовного скрежета реверансе, взор мой заволокло пеленой, и слезинки побежали по щекам, до того я была растрогана. Спешно стерев их, я улыбнулась и вновь устремила взгляд на сестрицу.

– Дамы и господа, высокородное собрание, позвольте представить вам нашу воспитанницу, ставшую дочерью – ее милость баронесса Амберли Мадести-Доло, – представил сестрицу батюшка, и я захлопала в ладоши, даря ей аплодисменты.

Звук аплодисментов заполнил залу, и Амбер присела в реверансе во второй раз. После барон Тенерис подал ей руку, и дебютантку повели знакомиться со светским обществом. Начали с Дренга, который не пожалел слов восхищения, после поздравил от имени государя и присоединил свои пожелания. И как только он закончил, я поймала взгляд Амбер и шепнула:

– Я так рада за тебя, сестрица.

– Ох, Шанни, – шепнула она, смущенно потупившись.

– Боги с вами, дитя мое, – сказал глава рода и поцеловал

Амберли в лоб, даровав ей свое благословение.

– Восхитительна, – улыбнулся магистр и галантно поклонился.

Щеки Амбер полыхали, как вешняя заря, но на губах трепетала улыбка удовольствия, и батюшка увлек сестрицу дальше, как только кузены принесли ей свои поздравления.

– Я так счастлива, – вырвалось у меня.

– Вы удивительная, ваша милость, – улыбнулся мне граф Дренг без всякой игры. – Столько искренности в отношении даже близких людей встретишь нечасто.

– Сегодня все комплименты только ей, – ответила я и умиротворенно вздохнула.

Знакомство с благородными семействами и отдельными их представителями было процессом долгим, это я знала не понаслышке. Как там сказал Элдер Гендрик? «Румяна и взволнована»? Да, именно так он и сказал. Я бы выразилась иначе: взмылена и раздражена – это будет ближе к истине. Гостей было много, и мы обходили их с батюшкой столь долго, что я уже не хотела никакого праздника. К тому же моя цель – Его Величество, оставался всё дальше и дальше, и у меня совсем не было возможности продолжить тогда наше знакомство. Это выводило из себя, но приходилось сохранять на лице дружелюбие и улыбаться.

Впрочем, для Амберли всё было проще. Она не гналась за великой мечтой, а потому получала искреннее удовольствие от происходящего. Я знала это совершенно точно. Гости, ко-

му уже представили юную баронессу, покидали зал, где происходило представление, и отправлялись дальше, следуя за лакеями в парадных ливреях.

– Ваша милость!

Обернувшись, я встретилась взглядом со своим новым знакомцем – графом Элдером Гендриком. Он приветливо улыбнулся и склонил голову:

– Доброго дня, ваша милость. Вы невероятно обворожительны, а я безумно рад вас видеть снова.

– Доброго дня, господин граф, – поздоровалась я, ощутив прилив досады. Она была не столько направлена на его сиятельство, сколько из-за понимания, что Элдер будет преследовать меня весь вечер.

Этот Гендрик мне симпатизировал, что было видно из его набросков. К тому же, наверное, он уже воспринимал меня почти как свою невесту. Наши матушки должны были немало фантазировать о нашей свадьбе, раз моя родительница при первой же возможности отвезла меня именно к ним. А раз так, то и бедняге Элдеру могли сообщить о моем согласии как о свершившемся факте, требующем лишь оглашения. А зная старшую баронессу Тенерис, можно было предсказать, что от своих намерений она так быстро не отступится... Кажется, дядюшка прав, и нравом я пошла в свою мать.

– Я потревожил вас? – с явным огорчением спросил Элдер. – Вы стали задумчивы и совсем не смотрите на меня. От чего-то мне казалось, что вы тоже будете рады нашей встре-

че.

– Я рада, ваше сиятельство, – рассеянно ответила я. – Но сегодня важный день для моей сестрицы, и я сама не своя. Волнуюсь, будто это я сама вновь прохожу через собрание незнакомцев.

– Вы держались великолепно, – ответил с улыбкой граф.

– Благодарю, – сказала я с вежливой улыбкой. Однако надо было поскорей избавиться от этого поклонника, и я нашла самый лучший повод: – Почему вы не с вашими родными? – спросила я. – Вы уже познакомились с моей сестрицей?

– Я задержался и не попал на само представление, – ответил его сиятельство. – Родители и Бран должны быть где-то здесь. Они знали о моем опоздании, поэтому обещали не дожидаться. Возможно, баронесса уже была им представлена.

– Тогда вам стоит непременно поспешить, – с укоризной заметила я. – Ее милость столь восхитительна, что вы как натура тонко чувствующая не сможете этого не отметить. Я обещаю вам любование, ваше сиятельство, – вот теперь я улыбнулась искренне. – Идите же, не оскорбляйте баронессу Мадести-Доло своим равнодушием, она его не заслуживает. А со мной вы еще встретитесь, торжество только началось. Поспешите, – я кивнула ему и отступила, дав возможность меня покинуть без долгих расшаркиваний.

Я видела, как по лицу графа скользнула досада, однако он склонил голову, а после направился к гостям. Выдохнув с облегчением, я обернулась и сразу же увидела Дренга. Он

направлялся в мою сторону, но взгляд его сиятельства следовал за графом Гендриком. И когда королевский любимец приблизился ко мне, он кивнул в сторону Элдера, уже почти исчезнувшего среди прочих гостей.

– Кто это и что хотел от вас?

Приподняв в ироничном изумлении брови, я спросила:

– Что именно вас интересует, ваше сиятельство? Отчего этот тон, будто вы мой супруг?

Граф хмыкнул и повинно склонил голову.

– Прошу великодушно простить меня, ваша милость, я не желал показаться резким. И все-таки, кто этот молодой человек?

– Его сиятельство граф Элдер Гендрик, – ответила я, с интересом наблюдая за деловитой физиономией Дренга. – Матушка прочит его сиятельство мне в супруги.

– И что же вы? – полюбопытствовал Олив.

– А что я? – я пожалала плечами. – Это матушкины мечты, не мои. Мои помыслы далеки от замужества.

– Тогда стоит сказать об этом графу Гендрику, ни к чему давать ложные надежды, – заметил Дренг.

– Отчего вас это беспокоит, ваше сиятельство?

– Он смотрел на вас влюбленным взглядом.

– Вы заметили его взгляд на расстоянии?

– Я видел его улыбку, когда он подходил к вам, а когда отошел, лицо его стало хмурым, а вашу вежливую холодность я знаю преотлично, потому понимаю, что граф был расстро-

ен оказанным ему приемом. Выходит, ожидал большего, значит, увлечен вами. Не стоит терзать молодого человека напрасными надеждами, нужно сразу дать ему понять, что надежды нет.

Я с интересом посмотрела на Дренга. Я была уверена в личности того, кто говорит его устами. То, что сам граф не имеет в отношении меня каких-либо надежд и чувств, я не сомневалась ни минуты. В глазах его сиятельства я не видела того интереса, с каким мужчина смотрит на женщину. Он относился ко мне с симпатией, как мне казалось, но не более. И потому я смело сделала вывод, что фаворит действует в интересах своего господина. Быть может, король даже велел ему присматривать за мной, потому и отправил сюда, иначе мог прислать поздравления и подарок даже через дядюшку. И мне захотелось пошалить.

– Отчего же? – я посмотрела на гостей, но Элдера там не заметила. – Граф Гендрик мил и учтив. К тому же он творческий человек с тонкой душой. Если бы вы видели, какие чудесные картины он рисует, – уже искренне восхитилась я. – И я обещалась позировать ему.

– Стало быть, он вам нравится? – взгляд Дренга стал пристальным и немного колючим.

– Его сиятельство – приятный человек, – улыбнулась я.

– Но замуж вы за него не собираетесь, верно? Как и за любого другого, кого вам предложат родители, я правильно вас понял?

– За Элдера Гендрика не собираюсь, – сказала я. – Но кто знает, быть может, у матушки есть кандидат, который покажется мне интересным. . .

Таинственно замолчав, я ответила графу лукавым взглядом, и он подвел итог:

– Значит, я не позволю кому-то заинтересовать вас, ваша милость. Сегодня я буду вашей тенью, – и вроде бы сказал со смешком, но взгляд так и остался строгим.

– Разумеется, – важно кивнула я. – Вы рассчитываете на мое покровительство и защиту. Вы ведь у нас прекрасный и востребованный.

– Именно! – со значением воскликнул Олив Дренг и подал мне руку: – Идемте, ваша милость, я уже был представлен вашей сестрице, и можно проследовать к остальным гостям.

– Милости прошу, – улыбнулась я, и мы покинули залу.

И пока мой батюшка и глава рода Доло продолжали знакомить Амберли со столичной знатью, мы с графом Дренгом перебрались в одну из гостиных, открытых для гостей. Здесь нам предстояло дожидаться начала празднования. А начиналось оно, как и полагалось, со столовой.

«Гость не должен быть голоден, иначе вместо веселья он ощутит досаду и желание поскорей покинуть негостеприимный дом», – так гласило указание из свода «Правил хорошего тона». Но было еще и продолжение: «Гостя нельзя потчевать слишком усердно, иначе он не сможет насладиться празднеством и вместо удовольствия ощутит тяжесть в же-

лудке. А потому поспешит покинуть дом, дабы избавиться от неприятного чувства. Для таких старательных хозяев и гостей, невоздержанных в пище, надлежит иметь средство, которое поможет вернуть гостю прежнюю легкость и ожидания увеселений, подготовленных для него».

Правила были для всего: блюда, их количество, объем горячительных напитков, приходящихся на каждого приглашенного, «дабы чужой праздник не превратился в собственный стыд». Матушка соблюдала все правила в точности, а потому после трапезы никто не должен был ощущать ни тяжести желудка, ни чрезмерного опьянения, ни тем более голода. Уж кто-кто, а старшая баронесса Тенерис была в отношении этикета дотошна и точна, чего требовала и от нас с Амбер. И если сестрица слушала и запоминала со всем тщанием, то я, признаться, смутно помнила и половину правил. На укоры Амберли я неизменно отвечала:

– Если понадобится, открою книгу и прочитаю. Незачем забивать голову всякой чушью.

– У твоей матушки непременно случится удар, если она услышит твои высказывания.

– Мы ей не скажем, – подмигнув, отвечала я.

В столовой я оказалась между двумя сиятельствами: Элдером Гендриком и Оливом Дренгом. И если королевский любимец сидел рядом с родственниками баронессы Мадести-Доло, потому что был вестником высочайшего внимания, то Элдер был усажен рядом со мной с явным умыслом.

Матушка, как я и ожидала, к моему мнению не прислушалась и решила довести «мое будущее счастье» до его полного и безоговорочного воцарения. По той же причине рядом с Амберли был усажен Бран Гендрик, а следом его родители.

Впрочем, надежды на то, что предполагаемый жених сумеет завладеть моим вниманием полностью, не оправдались. Граф Дренг сделал это за Элдера и почти не давал тому вклиниться в словесный поток фаворита, искрившийся остроумиями и шутками. За праздничным столом говорить, хвала богам, было позволено и даже рекомендовано, чтобы не возникало неловкости и скуки. Но! Избегая моментов, когда пища находится во рту. Подозреваю, что Дренг в тот день мало что успел попробовать, потому что рот его был занят разговорами, а не угощением.

Бедняга Элдер несколько раз затевал со мной диалог, когда Дренг отвлекался, но Олив быстро разворачивался, и нити беседы вновь оказывались в его руках. Признаться, я даже ощутила сочувствие и жалость к художнику. Его вины не было ни в том, что он видел во мне свою невесту, ни в том, что государь не желал видеть подле меня каких-либо женихов, но находился под постоянным давлением опытного придворного, для которого заткнуть рот человеку было делом привычным и легким. Однако стоит заметить, что Дренг ни разу не оскорбил Элдера и не унизил. Общался он вполне дружелюбно, только от этого неумемного дружелюбия Гендрик мрачнел всё больше и больше.

Матушка бросала на меня пристальные красноречивые взгляды, но я только пожимала плечами, не желая понимать ее немых требований уделить Элдеру внимание. Я сама не столько слушала обоих графов, сколько наблюдала за тем, что творится на другой стороне стола. Там тоже шла беседа, и она мне не нравилась. Бран Гендрик ухаживал за Амберли. Он что-то говорил моей сестрице, и она, румяная от смущения и удовольствия, негромко отвечала младшему графу, кажется, вовсе позабыв о моих предупреждениях. Очаровательная в своей чистоте улыбка бродила по ее губам, и, видя ее, я приходила всё в большее раздражение.

Я покусывала губы, в какой-то момент и вовсе перестав следить за ходом разговора на нашей стороне стола. Сжав в кулаке вилку, я мерно постукивала ее кончиком по столу. Мой взгляд остановился на Бране и уже не покидал его лица, обращенного ко мне в профиль, потому что младший граф Гендрик глядел на Амбер. Наконец, ощутив, что на него смотрят, молодой человек повернулся ко мне и ответил удивленным взором.

– Что-то случилось, ваша милость? – спросил он, прервавшись.

– Возможно, – ответила я.

– Что же? – Бран развернулся в мою сторону. Я заметила, как по лицу Амберли скользнули удивление и досада. Но сейчас я заботилась о ней, и потому не обратила внимания на эти чувства.

– Вы нашли в себе согласие, ваше сиятельство? – спросила я. – В своей душе?

Младший Гендрик нахмурился, пытаясь понять, о чем я говорю, однако вскоре поджал на мгновение губы, бросил взгляд искоса на отца и наконец ответил:

– Да, ваша милость. Благодарю, что беспокоитесь о моем душевном покое.

– Не о вашем, – холодно произнесла я. – Со своей душой вы можете делать что угодно, но не стоит брать ответственность за чужую, даже если вам велят это сделать.

– Шанриз, – негромко, но строго позвала меня матушка.

– Дитя мое, о чем вы говорите? – спросил дядюшка, больше доверявший мне, чем старшей баронессе Тенерис, а потому не сумевший остаться просто наблюдателем.

– О пустяках, – чуть раздраженно отмахнулся старший граф Гендрик. – Девицы вечно что-то выдумывают.

– Более трезвого ума, чем у ее милости, я еще не встречал, – произнес Дренг, и я поняла, что на нашей части стола уже какое-то время царит тишина.

– Так о чем вы говорите? – повторно спросил граф Доло.

– Я после объясню вам, дядюшка, – ответила я, наконец отпустив младшего Гендрика из ловушки своего взгляда.

– Хорошо, – не стал спорить его сиятельство.

Я посмотрела на Амбер, в ее глазах появилось беспокойство и вопрос. Улыбнувшись ей, я подняла свой бокал с разбавленным вином и произнесла:

– За ваше счастье, дорогая.

Она улыбнулась в ответ и опять смущенно потупилась.

– Разве же это не замечательно?! – воскликнул Дренг. – И я провозглашаю вам счастье, очаровательнейшая баронесса Амберли!

– Счастья, – поднял свой бокал дядюшка, а вслед за ним и мои родители, а после пожелание побежало по рядам гостей.

Бран тоже поднял свой бокал. Он сделал глоток, ничего не произнеся, после поставил бокал на место и бросил на меня непроницаемый взгляд. Его брат склонился ко мне и произнес:

– Кажется, ваша милость, наше семейство вызывает у вас неприязнь.

Развернувшись к нему, я улыбнулась:

– Как вы находите мою сестрицу, ваше сиятельство?

– Баронесса Мадести прелестна, – ответил граф.

– Вы непременно должны нарисовать ее, – заявила я. – Вам под силу передать всю ее искренность, очарование и нежность. Амбер чудесна, ваше сиятельство, и вы как художник не можете не увидеть ее чистой и отзывчивой души. Разве же она не вызывает восхищения?

– Вы несомненно правы, ваша милость, – уже осторожней ответил Элдер, глядя на меня испытующе. – И я был бы рад передать всё, о чем вы сказали, если ее милость согласится позировать мне. Но мне кажется, было бы и вовсе чудесно, если бы вы позволили написать вас обеих вместе.

Посмотрев на Амберли, я хмыкнула:

– А что? Весьма занимательная идея, мне она определенно нравится. Это было бы чудесно. Однако начать вам придется все-таки с баронессы Мадести, потому что послезавтра я возвращаюсь во дворец, и когда смогу вырваться, мне неведомо. Впрочем, вы замечательно рисуете по памяти и могли бы писать с Амберли, а после присоединить меня. Что скажете?

– Если вам так угодно, ваша милость, то я буду только рад услужить вам, – улыбнулся Элдер. – Осталось только заручиться согласием нашей модели.

– Его я вам обещаю, – важно кивнула я. После обернулась к Дренгу, слушавшему нас, и пояснила: – Его сиятельство имеет превосходную память не только на лица, но и на мельчайшие детали. Если бы вы видели его набросок моего портрета, вы бы были поражены, насколько точно граф запомнил меня в день моего совершеннолетия.

– Вы позволили превратить набросок в настоящий портрет, – сказал граф Гендрик, – и я уже приступил к работе. Надеюсь, итог вам придется по душе.

Я вновь обернулась к нему и заверила:

– Уверена в этом, ваше сиятельство, я видела ваши работы, и они впечатляют.

– Но я хотел бы получить за свои старания небольшую плату.

– Вот как? – я изумленно приподняла брови. – И чего же

желает ваше сиятельство?

– Танец, разумеется, ваша милость, – ответил Элдер и улыбнулся.

– Он у вас есть, – не стала я спорить. – Правда, граф Дренг уже набился мне в кавалеры и партнеры по танцам, но для вас я вырвусь из его цепких когтей.

– А это непосильная задача, – встрял в наш разговор фаворит. – Однако на один танец я готов уступить вам баронессу, ваше сиятельство.

– Меня со счетов попрошу не списывать, – напомнил о себе магистр Элькос.

– Да и я желаю перетанцевать со всеми моими родственницами, – не стал молчать дядюшка.

– Вот и определилось количество танцев со мной, – подвел итог наглец Олив Дренг: – Маг, два графа, отец еще, должно быть, ну а дальше наступает моя очередь.

Я развернулась к его сиятельству, воззрилась на него с нескрываемым восхищением, но ничего говорить не стала, только покачала головой. Он в ответ ослепительно улыбнулся и спросил:

– Что такое, ваша милость? Вы обещали стать моим щитом, так уж будьте добры исполнять, я и так останусь беззащитен на четыре танца. Имейте совесть, большего уступить не могу.

И угрозу он сдержал... с моей помощью. Но сначала мы смотрели на первый танец дебютантки. Вел Амберли дядюш-

ка, и, глядя на них, я отметила, что его сиятельство у нас еще весьма крепкий мужчина. На летних балах мы несколько раз составляли с ним пару, и то, что граф прекрасный партнер, я знала отлично, но со стороны его еще не видела. Обычно дядюшка, ссылаясь на возраст, отказывался от танцев, да и других кавалеров было в избытке, поэтому никто и не настаивал на том, чтобы граф Доло непременно принимал участие в танцах. А сейчас, видя, как он уверенно ведет нашу родственницу, как статен и подтянут, я гордилась ими обоими.

После того, как продемонстрировали изящество и легкость баронессы Мадести-Доло, кавалеры пришли в движение, спеша пригласить дам на следующий танец. Меня вывел в круг магистр Элькос, словно подтверждая очередность, установленную Дренгом.

– Я гляжу, страж Его Величества глаз с вас не спускает, – усмехнулся маг. – Ваша матушка волнуется из-за его своеволия и нахальства. Назвать истинную причину такой назойливости я не смог, да и ваш дядюшка, как я гляжу, не спешит сообщить о том, что государь наблюдает за вами.

– Матушка больше переживает, что на месте Дренга не Элдер Гендрик, – фыркнула я. – Его сиятельство определен мне в женихи. Она уже возила меня знакомиться с этим семейством.

– И что скажете о графе? – заинтересовался Элькос.

– Он не для меня, – только и ответила я.

– Согласен, – усмехнулся маг. – Вашего темперамента и

характера ему не выдержать. Слишком мягок. Вы сделаете его несчастным. – Я ответила возмущенным взглядом, и магистр рассмеялся: – Только не уверяйте меня, что вы возвышенная романтическая душа, Шанни. Вы – огонь, и, подобно ему, вам нужна постоянная пища, чтобы гореть. Молодой человек совершенно вам не подходит.

– Осталось доказать это моей матушке, – проворчала я, и Элькос хмыкнул.

После мага я танцевала с дядюшкой. С ним мы вели совсем иной разговор.

– Что не так с Браном Гендриком? – без обиняков спросил меня граф Доло.

– Он увлечен другой девушкой, – ответила я. – И не может быть с ней лишь из-за разницы в положении – она дочь коммерсанта. Из-за этого на него давит отец, Бран подчиняется. Сами понимаете, ваше сиятельство, что ожидает Амбер с мужчиной, которому ее навязывают только потому, что она подходящая партия в отличие от его возлюбленной. Я желаю сестрице счастья, а потому против этого жениха.

– Я вас услышал, Шанриз, – кивнул дядюшка.

– И что же скажете? – с беспокойством спросила я.

– Женихов много, подыщем того, у кого сердце свободно, – улыбнулся граф, и я прижалась к нему, на миг прервав танец:

– Я люблю вас, дядюшка.

А потом со мной танцевал батюшка. Он просто пожурил

за мою грубость в отношении младшего Гендрика и велел быть добрей с Элдером. За первое я не устыдилась, второго не обещала, потому что и так была добра с ним в той степени, какую посчитала достаточной. Сам Элдер в это время кружил Амберли, и я обратила внимание отца на них:

– Не находите, что они недурно смотрятся вместе? Да и подходят друг другу. Прекрасная пара.

– Но заинтересован он в вас, Шанни, – возразил барон Тенерис.

– Граф – натура творческая, а значит, увлекающаяся, ду-
маю, он сумеет сменить свои симпатии, – отмахнулась я.

– А кто вам граф Дренг?

– Всего лишь друг, ваша милость, – улыбнулась я.

– У девицы не может быть друга мужчины, как и у зрелой дамы. Это неприлично, – строго заметил отец. – К тому же он ведет себя так, будто имеет на вас какие-то права. Мне это совершенно не нравится, как и вашей матушке. Мы выражаем вам свое недовольство, дитя.

– Полноте, батюшка, – легкомысленно отмахнулась я. – Я одна из немногих на приеме, кого граф хорошо знает. И если учесть, что я хорошо знакомая ему дама, то можно с легкостью объяснить и его желание быть рядом со мной. Что же до дружбы, то в свите ее светлости я близко сошлась с бароном Гардом, ее мажордомом. Так вот, ни дядюшка, ни герцогиня, ни Его Величество в нашей дружбе не нашли ничего предосудительного и дурного.

– Порой вы говорите удивительные вещи, Шанни, – покачал головой барон. – А с его сиятельством я поговорю.

– Будете спорить с главой рода?

– Дело касается моей дочери, и я непременно выскажу, что граф слишком избаловал вас. Да и вся эта дворцовая жизнь... Вы изменились, дитя мое, стали...

– Взрослей и самостоятельней? – улыбнулась я. – Ах, бабушка, однажды это должно было произойти, иначе дети оставались бы детьми.

– И это было бы замечательно, – усмехнулся барон.

Следующий танец я пропустила, решив передохнуть. И вот после меня пригласил граф Гендрик... старший, но Дренг, заметив мое нежелание танцевать с ним, нагло увел даму из-под носа новоявленного кавалера, за что заслужил мою искреннюю благодарность. А уже следующим стал Элдер. Ему фаворит меня уступил, как и обещал.

Это был неспешный танец, если можно так выразиться, романтический и слегка интимный, когда кавалер не просто вел партнершу, но обнимал ее за талию и держался весьма близко. Чуть таинственная улыбка графа дала понять, что ожидал он именно этот танец, и потому не приглашал меня раньше. Ход был прост, как и тот, кто его сделал. И глядя в глаза Элдера, я думала, что надо бы и вправду сказать его сиятельству, что на наше супружество рассчитывать не стоит. Но отчего-то язык не поворачивался начать этот разговор, у меня было чувство, будто я обижу ребенка, право слово. До

того Элдер Гендрик казался мне добродушным и мягкосердечным. И я отвела взгляд в сторону.

Неподалеку от нас танцевали Дренг и Амберли. Королевский любимец, похоже, успел до того смутить мою сестрицу, что щеки ее пылали так ярко, что об них, наверное, можно было бы согреть ладони. Сам негодник хранил на лице улыбку, которая могла бы быть у кота, забравшегося в кладовку с колбасами, если бы, конечно, коты могли улыбаться. Однако, быстро заметив мой взгляд, чем дал понять, что не просто так крутится неподалеку, склонил голову и озорно подмигнул. Я укоризненно покачала головой, недовольная тем, что его сиятельство намеренно смущает Амбер.

– Ваша милость, – позвал меня мой кавалер, устав ждать, когда я обращу на него внимание. Я повернула голову и рассеянно улыбнулась. – Вы чудесно танцуете, – улыбнулся в ответ Элдер. – Только этикет предписывает смотреть на своего партнера, а вы опять заняты графом Дренгом. Отчего вы уделяете ему столько внимания. Глядя на вас, можно подумать, что он имеет на вас какие-то виды, и вы его поощряете.

– Мы с его сиятельством хорошие приятели, – ответила я. – Но почему вы укоряете меня в этом? Разве же у вас есть на это право?

Граф смутился. Он отвел взгляд, но снова посмотрел на меня, в этот раз прямо и даже твердо.

– Я намерен получить это право, – сказал его сиятельство. – Ваши родители мои намерения одобряют...

– Они одобряют свои намерения, дорогой граф, – прервала я его. – Наши родители приняли решение за нас, но вас хотя бы поставили в известность, а я узнала о них в день нашего повторного знакомства. Скажу более, я сама догадалась, и мне это не понравилось. Не принимайте на свой счет, – отмахнулась я, видя, что Элдер готов заговорить. – Дело не в вас, ваше сиятельство, а в нарушении обещания, данного мне родителями. Когда-то они заверили меня, что я сама смогу выбирать, однако всё оказалось обманом. Я не терплю, когда меня водят за нос. Это раздражает.

– Но вы увидели меня, неужто я вовсе не пришелся вам по душе? Разве же я отвратителен или отталкиваю манерами? – спросил он немного нервно, явно задетый моими словами.

– Вы приятны внешне, и манеры ваши мне нравятся, – как можно мягче ответила я. – Вы кажетесь мне достойным человеком, господин граф, однако этого недостаточно. В вас нет того, что привлекает меня, а во мне нет того, что необходимо вам. Поверьте, мы совершенно не подходим друг другу. Вы будете несчастливы со мной, ваше сиятельство.

– Откуда вам знать, баронесса, что я желаю видеть в своей избраннице? – с вызовом спросил Элдер. – И раз уж говорю вам о своих намерениях, то это означает, что я нашел в вас всё мне необходимое. Меня привлекает ваша живость, и искренность чувств тоже. Возле моих картин вы отбросили маску, и я увидел жизнелюбивую девушку, которая способна на демонстрацию своих эмоций. Вы вдохновляете меня...

– Пока я нахожусь вдали, – вновь оборвала я его. Граф пропустил меня под руку, следуя за музыкой, а после вновь прижал к себе чуть тесней, чем того требовали правила. Оказавшись перед ним, я продолжила: – Вы не знаете меня, и когда узнаете, поймете, что ошиблись. Я не та, кто может сделать вас счастливым. Кроме того, что я не вижу в вас мужчины...

– А кто же я, по-вашему?

– В Дренге я тоже не вижу мужчины, как и в бароне Гарде, о котором я имела честь упоминать, будучи у вас в гостях, – с ноткой раздражения ответила я. – И его сиятельство, и его милость являются моими друзьями и не больше. Так вот, в отношении вас я чувствую то же самое. Мы смогли бы подружиться, и я готова стать самым преданным поклонником вашего таланта, но никак не женой. Вы не сможете дать мне того, чего я хочу, в вас нет того, что меня привлекает, вы не тот, кто может заставить мое сердце биться чаще, и потому я говорю – нет. Нет, ваше сиятельство, я не даю согласия на наш брак. Более того, даже граф Доло не сумеет повлиять на меня и не станет этого делать. Он тоже дал мне слово позволить выбрать супруга по сердечной склонности, но даже если бы дядюшка решил нарушить свое обещание, то есть тот, кто не одобрит нашего брака. А ему перечить могут только боги.

– О чем вы? – озадачился Элдер.

– О том, граф, – мы одновременно повернули головы на звук голоса и обнаружили, что музыканты уже замолчали и

кавалеры отвели своих дам на их места. Только мы остались стоять посреди залы, а рядом с нами Олив Дренг, успевший проводить Амберли. – Баронесса говорит о том, что ее выбор одобряет не семья и не глава рода. Его Величество принял в баронессе живейшее участие как в любимой фрейлине своей тетушки, и потому разрешить ее замужество может только он. Это воля государя, и не нам судить о ней. Позвольте ли, ваша милость?

Он протянул ко мне руку, и я вложила в его ладонь свою. После посмотрела на ошеломленного Элдера Гендрика и чуть виновато улыбнулась:

– Вы, наверное, чудесный человек, ваше сиятельство, я еще мало знаю вас. Но если вы готовы принять мою дружбу, то я с радостью дарую вам ее. Но большее... простите, не могу. Не таите на меня обиды, я была с вами честна.

– Танцевать? – спросил меня Дренг, когда мы отошли от моего несостоявшегося жениха.

Я отрицательно покачала головой и указала взглядом на дверь:

– Увеселения танцами не заканчиваются. Идемте, я покажу вам всё, что приготовили мои родители.

– С удовольствием, – улыбнулся королевский любимец, и мы покинули бальную залу, оставив за спиной сияющую от удовольствия Амберли, моих родителей, гостей и человека с разбитым сердцем, которого мне было искренне жаль, но обманывать его было жестоко и неприятно. И хоть я ма-

ло знала Элдера Гендрика, но интуиция говорила мне, что я не ошиблась в своей оценке его качеств. В любом случае его раны врачевать будет кто-то другой, но не я. Мне было о ком позаботиться – о себе. Мое собственное сердце змеилось трещинами...

Глава 4

– Шанни... Шанни, проснись. Шанни!

– Что?

Я порывисто села, распахнула глаза и уставилась с непониманием на Амберли, тряскую меня за плечо. Сестрица забралась ко мне на кровать, села, скрестив ноги, и удовлетворенно произнесла:

– Наконец-то ты проснулась.

– Ты очень старалась, – проворчала я и упала обратно на подушку.

– Не спи, – тут же заявила едва повзрослевшая нахалка.

– Отстань, – буркнула я и повернулась на бок.

– Ша-анни, – протянула Амбер и дернула с меня одеяло. – Ты не можешь оставить меня в такую тяжелую для меня минуту. Я боюсь.

Вновь сев, я внимательно посмотрела на нее. Сестрица вздохнула и отвела глаза.

– Ну? – строго спросила я.

– Мне страшно, – сказала она, не глядя на меня.

– Подробностей.

– Мне страшно смотреть, что мне прислали и прислали ли вообще, – призналась Амбер.

– Ты боишься подношений? – уточнила я.

– А вдруг их нет? Ни одного цветочка, представляешь?

Как же я буду жить после этого? Вдруг я совсем не произвела впечатления? Я умру, сестрица, я точно умру от стыда и огорчения... Ай! – вскрикнула она, когда я швырнула в нее подушку. – Шанриз! – возмутилась Амберли. – Как тебе не совестно?! Я ведь душу тебе изливаю, открываю затаенные страхи, а ты... Ай! Шанни! – Ее милость сдула с прядку, упавшую на глаза после атаки подушек, воинственно схватила одну из них и, злорадно ухмыльнувшись, запустила ее в меня.

– Это война, ваша милость, – сузив глаза, отчеканила я.

– Как есть, ваша милость, – решительно ответила баронесса Мадести. – До последнего пера.

– Ну, держись, Погубительница сладких снов!

Я вскочила на ноги, вновь перехватив свое мягкое оружие, Амберли последовала моему примеру, и бой закипел...

– Девочки!

Возмущенный возглас старшей баронессы Тенерис застал нас в момент моего триумфа, точнее, в момент, когда я шла к своему триумфу. Навалившись на сестрицу, сбитую с ног, я привычно запустила пальцы ей под ребра, и Амберли заходила от хохота, повизгивая и похрюкивая время от времени. Однако голос моей матери оборвал наше щенячье веселье на самом его пике.

Мы воззрились на ее милость: сестрица вывернула голову, чтобы выглянуть из-под меня, я просто подняла взгляд. После откатилась в сторону, освободив Амбер, и мы обе по-

спешили встать с кровати. Красные от нашей возни и от смеха, взмокшие и лохматые, с перьями в волосах – вряд ли мы были похожи на придворную даму и девицу на выданье. И если сестрица повинно опустила глаза, то я широко улыбнулась и подошла к матушке, чтобы получить свой утренний поцелуй.

– Доброго утра, матушка. Вы чудесно выглядите, – сказала я.

– Невероятно, – поцеловав меня, произнесла старшая баронесса. – Уму непостижимо! Возмутительно! – она заломила руки и добавила в голос патетики: – Мое бедное сердце! Почему оно не разбилось еще вчера, отчего мои глаза не ослепли, зачем мой слух так хорош, что не исчез даже от всех этих возмутительных звуков?! Кого я вижу перед собой? – я ответила любопытством во взоре. – Эти ли девицы называются взрослыми? Это ли достойное их звания поведение? Ответьте же мне! Кто вы? Девицы благородного воспитания или же поросята в хлеву?

– Простите, ваша милость, – пролепетала Амберли, чье лицо уже пылало.

– Ах, дорогая матушка, – вздохнула я. – Разумеется, мы девицы благородного воспитания, но дайте же последний глоток свободы двум страждущим душам. Завтра мы вновь разлучимся, и кто знает, быть может, свидимся, когда наступит день свадьбы Амбер.

– А может, вы не станете отставать от вашей сестрицы,

возьметесь за ум и наконец выберите себе жениха? – закончив свой спектакль, едко спросила ее милость.

– Время покажет, – ответила я таинственно и поклонилась. – Простите, матушка, мне нужно привести себя в порядок, думаю, Амберли это тоже необходимо.

Я поспешила схватить колокольчик, потрянула его, и в спальню вошли горничные, возглавляемые Тальмой.

– Доброго утра, ваши милости, – приветствовала она всех баронесс разом, поклонилась и приблизилась ко мне.

– Идем, – велела я, – поможешь мне.

– Шанриз! – возмутилась моим своеволием родительница. – Немедленно...

И мы с Тальмой скрылись за дверью умывальни. Здесь я выдохнула и, отправив служанку сторожить дверь, занялась собой. Брошенная на произвол судьбы Амберли осталась наедине с нашим деспотом, и, признаться, стыдно мне не было. Нужно быть находчивей и расторопней, если желаешь сбежать от родительского негодования и новой порции нравучений. Может, они и нагонят, но после.

Когда я вернулась в спальню, ни сестрицы, ни матушки там уже не было. Спокойно одевшись и причесавшись, я отправила Тальму узнать, что подельывает моя родительница, и лишь после этого высунула нос из своих комнат. Баронесса Тенерис успела спуститься вниз, о чем мне доложила верная служанка, и к Амберли я входила, уже не опасаясь получить разгневанную отповедь.

Амбер, метнув в меня короткий взгляд, обиженно упрекнула:

– Ты меня бросила.

– Это было тактическое отступление, – возразила я. – И тебе следовало поступить так же. К тому же без меня тебя отчитывают меньше.

– Мне погрозили пальцем, – пытаюсь скрыть улыбку, ответила сестрица, но не преуспела. – Ее милость велела спустаться в гостиную.

– Выходит, там есть на что посмотреть, – заметила я. – Ты же вломилась ко мне и разбудила, страдая из-за несуразных опасений. А между тем мне завтра возвращаться во дворец, и там я спать так сладко уже не буду.

Амберли фыркнула, затем поднялась со стула, на котором сидела, пока горничная делала ей прическу, и мы направились в гостиную. И если сестрица была в волнении, что вполне понятно, то я испытывала простое любопытство. Неугомонная сестрица вцепилась мне в руку, вновь потребовав не оставлять ее одну ни на минуту. Пожалев, что под рукой больше нет подушки, чтобы вразумить ее милость, я заверила, что она еще сама будет просить меня оставить ее наедине с посланиями, но, вырвав у меня клятву, этого уже не добьется.

– Тебе бы всё подшучивать надо мной, – надулась Амбер, – а меж тем я будто в огне. Это же так невероятно!

– Что именно? – с улыбкой спросила я. – То, что твоей

красоте воздают должное?

– Во-первых, я еще не знаю, воздают ли, – возразила сестрица. – А во-вторых, для меня всё это впервые. Вспомни, как сама мчалась в гостиную.

Я мчалась, ожидая одно-единственное послание, которого так тогда и не получила, а в остальном меня терзало не волнение, а вот такое же любопытство. Правда, было оно более оживленным, чем сейчас, когда я сопровождала Амберли, но особого трепета не испытывала. И разница в наших чувствах была совершенно понятна. Баронесса Мадести ожидала ухаживаний и предложения руки, а я возможности сойтись с королем. И если бы не дядюшка с его неверной трактовкой моих устремлений, то уж и не знаю, удалось ли бы мне это когда-нибудь... Если бы только вышла замуж за сановника и так смогла сблизиться с государем, но тогда мне бы ужасно мешал супруг, который уж точно не поддерживал бы моих взглядов. Их и сейчас никто не поддерживал, кроме меня и, пожалуй, магистра Элькоса, для которого женщина на службе Отечеству была привычна... если, конечно, она – маг. Но не будем о печальном...

Итак, мы с сестрицей явились в гостиную, заставленную цветами. Матушка уже была здесь, и она стояла, задрвав подбородок, так демонстрируя свою обиду. Пожав руку Амбер, я отпустила ее и устремилась к родительнице. Обняла ее за талию и, уложив голову на плечо, умиротворенно вздохнула:

– Как же хорошо, милая моя матушка, – сказала я. – Наша

Амберли произвела впечатление на гостей, это так восхитительно!

– Не могу с этим не согласиться, – чуть ворчливо ответила старшая баронесса Тенерис. – Отойдите, Шанни, я всё еще сержусь на вас.

– За что? – изумилась я.

– Вы закрыли дверь перед моим носом! – воскликнула родительница. – Это совершеннейшее неуважение...

– Как жаль, – я отошла от нее и опустила голову. – А я так старалась угодить вам. Вы ведь не любите ждать, матушка, и я старалась не заставлять вас делать этого. Простите, что пыталась быть расторопной. – После вернулась к опешившей от моей наглости баронессе, вновь обняла ее и уместила голову на плече: – Мне искренне жаль, что расстроила вас. Очень жаль, – и я протяжно вздохнула и призналась: – Я люблю вас, дорогая моя.

– Шанни! – всплеснула одной рукой родительница. – Ну как же так можно? Только я намереваюсь не разговаривать с вами, и вот мое сердце уже трепещет от ваших слов, и у меня нет сил и дальше сердиться на вас.

Распрямившись, я заглянула ей в глаза, улыбнулась и поцеловала в щеку:

– Ох, прекратите заигрывать со мной, – сказала она и отвернулась, но улыбку я успела заметить. – И хватит уже разговаривать, пора рассмотреть подношения. – Матушка обернулась к Амбер: – Ну что же вы стоите, дитя мое, идите ско-

рей и полюбуйтесь на результаты вашего триумфа.

– Отчего те цветы стоят в стороне? – спросила сестрица, прижав к груди подрагивающие от волнения руки.

– Те, что стоят в стороне, прислали Шанриз, – ответила баронесса Тенерис, и я, удивленно хмыкнув, направилась к подношениям, адресованным мне.

– Шанни! – возмутилась Амберли. – Ты же обещала!

– Я же рядом, – обернулась я к ней.

– Но не подле меня, – насупилась трусиха.

Закатив глаза, я вернулась к сестрице, взяла ее за руку и повела к первой корзине цветов. После сама выудила оттуда конверт с посланием и посмотрела на Амбер:

– Мне и прочесть? – насмешливо спросила я.

– Да, – кивнула она, но после отрицательно мотнула головой и забрала у меня конвертик. – Я сама.

– И пока ты воюешь с безобидной бумагой, я загляну в то, что прислали мне, – сказала я, однако поспешила заверить: – Я скоро буду вновь рядом и уже не отойду, обещаю.

– Хорошо, – кивнула Амбер. После судорожно вздохнула, поджала губы и решительно надорвала конверт.

Перехватив взгляд матушки, я улыбнулась ей и уже не останавливалась. Для меня цветов было совсем немного, но это меня нисколько не оскорбило, потому что иначе я чувствовала бы себя виноватой. Вчерашний день принадлежал Амберли, и утро это тоже было посвящено ей. Что до меня, то кто-то из гостей имел виды и на меня. Одно дело род-

ственник при Дворе, другое дело стать мужем фрейлины, особенно когда та является любимицей тетушки государя, как вчера заверял всех болтун и весельчак граф Дренг. И пусть мы оба знали, что в его словах правды лишь на пригоршню, но веса это мне, несомненно, добавило.

Выудив первое послание, я прочитала витиеватое восхваление моей красоты и изъявление надежды на скорую встречу. Это послание я откинула на кресло, стоявшее рядом. Следом полетело еще одно такое же, к нему присоединилось третье, а вот при виде четвертого на моих губах расцвела широкая улыбка. Я узнала оттиск печати моего доброго друга. Добыв из конверта послание, я развернула его и прочла:

«Безумно скучаю без вас, моя дорогая подруга. Вечера ее светлости стали совсем унылы, на них не хватает вас и вашего задорного смеха. Считаю часы до вашего возвращения и льщу себя надеждой на то, что и вы успели истосковаться без своего наперсника и преданного вам друга.

P.S. Передавайте вашей родственнице мои поздравления и наилучшие пожелания. Дренг сказал, что баронесса Мадести-Доло чрезвычайно мила и приятна.

Искренне ваш, Фьер Гард».

– Ох, Фьер, – умилилась я.

– Что вызвало вашу улыбку, Шанни? – спросила матушка, подойдя ко мне. – Кто тот счастливец, чье послание вы не

выбросили так равнодушно, как предыдущие?

– Это барон Гард, матушка, – ответила я. – Он милейший человек, и если бы барон не был уже женат, то я не желала бы для нашей Амбер лучшей партии.

Не говоря ни слова, родительница выдернула из моей руки записку, пробежала ее глазами и фыркнула:

– Какое бесстыдство, – сухо сказала она. – При живой супруге да такая вольность в общении с благовоспитанной девицей. Нет уж, вот таких женихов нам и вовсе не надо.

Вернув себе послание барона, я аккуратно сложила его и сунула в карман, спрятанный среди складок платья.

– Не стоит оскорблять человека, которого вы совершенно не знаете, – не менее сухо ответила я. – Его милость ни разу не показал в отношении меня вольности или неуважения. Напротив, он доказал, что является достойным и благородным человеком. – И чтобы не ругаться незадолго до моего отъезда, я улыбнулась ее милости и взяла за руки. – Матушка, уверяю вас, если бы вы узнали барона так же хорошо, как я, то непременно поддались бы его обаянию и веселому нраву.

– Ох, Шанни, мне так не нравится всё, что происходит с вами, – со вздохом произнесла родительница. – Я была против затеи его сиятельства, но кто же будет слушать женщину? Разве же это место для вас? Послушайте моего совета, дитя мое, благополучием рода должны заниматься мужчины, а женщине надлежит исполнить свой долг – выйти замуж,

родить детей и служить не кому-то, а собственному супругу, оберегая его честь, дом и благосостояние. Для того мы и рождаемся женщинами. Так решили боги.

– Чушь, – отмахнулась я. – Так решили не боги, а мужчины. Если же они не уверены в себе и опасаются соперничества тех, кого почитают слабей себя в силе душевной и в силе разума, то это лишь открывает их собственную слабость. По-настоящему сильный человек не опасается показать свою уязвимость, он способен демонстрировать чувства и совершать поступки, за которые ему не будет стыдно, даже если весь свет будет считать их глупостью. Жаль только, что даже тот, в ком есть сила, не может сделать решительный шаг, потому что тысяча слабых ему этого не позволят и не простят.

Отвернувшись от опешившей родительницы, я достала еще один конверт, нервно порвала его, задев и вложенный лист бумаги. Прочитав очередное витиеватое послание, подобные которому уже лежали на кресле, я в сердцах разорвала его. Мне вдруг стало не до лестных слов и чужих надежд. Задетая родительницей тема всколыхнула мои боль и досаду.

– Что с вами, дитя мое? – негромко спросила меня матушка. – Что ранит вас, Шанни? – Она подошла ближе, обняла меня за плечи и попросила: – Расскажите.

Обернувшись к ней, я растянула губы в улыбке:

– Пустое, дорогая моя, это всё пустое.

Поцеловав баронессу Тенерис в щеку, я направилась к Амберли. Она застыла у одной из корзин с цветами и с тре-

вогой смотрела в нашу с матушкой сторону. Приподняв брови в фальшивом изумлении, я спросила:

– И это всё, что ты смогла просмотреть за это время?

– Шанни...

– Мой добрый друг барон Гард поздравляет тебя, сестрица, – прервала я ее, – и желает тебе благоденствовать.

– Благодарю его милость, – ответила Амберли. Она всё еще смотрела на меня испытующе, и я вытянула из ее пальцев уже распечатанное послание.

– И что нам пишут? – спросила я, дразня ее, и сестрица выхватила у меня записку.

– Фу, как неприлично иметь такой длинный нос, – фыркнула она.

Я показала ей язык, и моя показная игривость возымела действие. Амберли успокоилась и вернулась к просмотру «корреспонденции». Немного постояв у нее за плечом, я вернулась к своим цветам. Я сумела подавить в себе это болезненное негодование, вдруг захлестнувшее меня, потому смогла поглядеть на родительницу с уже искренней улыбкой. Матушка проводила меня задумчивым взглядом, но говорить ничего не стала, по крайней мере, пока, и за это я была ей благодарна.

Просмотрев еще пару посланий, я добыла предпоследнее, надорвала его и... гулко сглотнула. Перевернув конверт запечатанной стороной, я с минуту не сводила взгляда со знакомого мне оттиска.

– О Хэлл... – прошептала я и поспешила покинуть гостиную.

Меня не останавливали, да это бы и не удалось сделать, потому что мне не терпелось остаться наедине с тем, чего я ждала столько времени. Вот теперь мои руки подрагивали. Волнение и страх, снедавшие Амберли еще недавно, передались мне в полной мере. Выбежав за дверь, я даже не сразу решилась прочесть ровные строчки, написанные хорошо знакомым мне почерком, отчего-то ожидая худшего.

– Не глупи, – велела я себе. – Ты – Шанриз Тенерис, а не какая-нибудь впечатлительная девица.

Так вернув себе разум, я раскрыла письмо всего в несколько строк и, притопнув ногой для решимости, все-таки прочла.

«Неделя истекает, ваша милость. Надеюсь, вы уже собрали ваши вещи и готовы вернуться к своим обязанностям. Жаль, что сам я не сумел навестить баронессу Мадести-Доло и лично поздравить ее, но вы сумеете лучше Дренга передать мне все подробности прошедшего торжества. Жду вашего повествования, и вас.

И. С.».

– Боги, – прошептала я, прижав письмо к груди. – Невероятно...

А после рассмеялась, впервые за долгое время ощущая настоящую легкость. Он ждал меня! Государь был готов возобновить наше с ним общение! Впрочем... Я тут же нахму-

рилась, пытаясь понять, что стало тому причиной. Однако отогнала всякие дурные мысли и подозрения, пробудившие дремавшую во мне ревность, и медленно выдохнула. А после улыбнулась и спрятала и это послание в карман.

Я поспешила вернуться назад, чтобы еще раз взглянуть на букет, присланный мне Его Величеством, и забрать его в свои комнаты, чтобы в одиночестве вдохнуть аромат цветов и предаться минуте, полной упоительных грез, без предположений и раздумий. Однако, войдя в гостиную, я натянула на лицо вежливую улыбку, хоть и хотелось запрыгать, хлопая в ладоши, от обуревавшей меня радости, и произнесла короткое:

– Прошу меня простить.

Матушка и Амбер, стоявшие рядом, одновременно обернулись ко мне. Я оказалась под прицелом двух взглядов: вопросительного сестрицы и задумчивого родительского.

– Неужто уже прочли все записки? – с деланным удивлением спросила я.

– Кто вам написал, Шанни? – игнорируя мой вопрос, спросила в ответ старшая баронесса. – Чье письмо заставило вас покинуть гостиную? Это кто-то близкий вам? Ваши щеки разругались, глаза сияют, а потому я делаю вывод, что вы заинтересованы в отправителе. Кто он, дитя мое? Граф Дренг? Между вами существует связь? Он имеет на вас виды?

– Нет! – возмущенно воскликнула я. – Ничего подобного,

дорогая матушка, это всё ваши выдумки...

– Я хочу знать, что вы таите от меня, – отчеканила старшая баронесса. – Дайте мне письмо.

Амберли, едва вернувшись к своим цветам, порывисто обернулась и теперь переводила встревоженный взгляд с моей матери на меня. Она стиснула ладони, прижала их к груди и нервно покусывала губы. Так сестрица делала всегда, когда была испугана и сильно взволнована. Мягко улыбнувшись ей, я достала послание государя и передала его матушке.

– Читайте, – сухо сказала я.

Родительница выдернула из моих пальцев письмо, прочитала его и воззрилась на меня с недоумением.

– Кто этот «И.С.»?

Пожав плечами, я отошла к креслу, уселась в него и заметила:

– Странно, дорогая моя матушка, что вам незнакомы эти инициалы. Мне казалось, их знает каждый камератец.

Она нахмурилась, еще раз перечитала письмо, а после подняла на меня ошеломленный взор.

– Это... – негромко произнесла баронесса и закончила шепотом: – Король?

– Похоже на то, – ответила я.

– Вам пишет сам государь? Шанни, ответьте! – лицо матушки вдруг исказила мука. – Почему он подписался просто «И.С.»? Почему он пишет вам?!

Коротко вздохнув, я встала с кресла, подошла к ней и, за-

брав письмо, вернула его в карман. После этого обняла родительницу за плечи и заговорила как можно мягче:

– Отчего вы так взволновались, родная моя? Разве вы увидели нечто предосудительное в этих строках? Да, мы с государем сумели подружиться.

– Подружиться? – переспросила матушка: – С королем?!

– Разве же Его Величество не такой же человек, как и все остальные? – спросила я, глядя ей в глаза. – Мы вместе играем в спилл, иногда катаемся верхом, ведем беседы, и надо сказать, что государь – отменный собеседник.

Баронесса всплеснула руками. Она отошла от меня, нервно потирая ладони. И пока матушка справлялась со своими чувствами и мыслями, я посмотрела на Амберли, чьи глаза, казалось, еще немного и выпадут из орбит. Сестрица, как и мои родители, ничего не знала об этой «дружбе». В своих рассказах о придворной жизни я избегала упоминать эту тему, предпочитая показывать лишь свою службу и увеселения, которые устраивала ее светлость.

– Но о чем, ради всех богов, о чем вы могли беседовать?! – воскликнула родительница, порывисто обернувшись ко мне.

– О книгах, о живописи, о музыке, о многом, – ответила я. – Государь прекрасно разбирается во всем этом, умеет интересно рассуждать и увлекательно рассказывать. После этих бесед мне было позволено пользоваться его личной библиотекой. И поверьте, это большая удача, потому что в его собрании множество редких книг, которые я имела сча-

стье читать.

– Это какое-то сумасшествие, – сжав кончиками пальцев виски, пробормотала матушка. – Король... Но, – она вновь пытливо посмотрела на меня, – если вы говорите о дружбе, то отчего вы сияете так ярко?

– Кому не польстило бы высочайшее внимание? – удивилась я.

Родительница стремительно приблизилась ко мне, стиснула мои ладони и заглянула в глаза.

– Всего лишь друг?

– Да о чем вы, родная моя? – изумилась я. – Мне кажется, или вы пытаетесь уличить меня в чем-то предосудительном?

– Но вы отказали Элдери Гендрику!

Всплеснув руками, я воскликнула:

– Разумеется, отказала! Во-первых, вы обещали, что я выйду замуж по сердечной склонности, а между нами с его сиятельством ничего такого нет и быть не может. А во-вторых, он вовсе не привлекает меня. Матушка, неужели вы в угоду своим фантазиям готовы обречь меня на мучения рядом с нелюбимым и не нужным мне человеком? Поверьте мне, спустя месяц после свадьбы мы возненавидим друг друга. Нет, нет и нет!

– Но к кому же вы тогда питаете склонность? – прищурившись, спросила родительница.

– Мое сердце спокойно, – солгала я. – Я еще не встретила того человека, кто заставит его биться чаще. – Улыбнувшись.

шись ей, я спросила: – Зачем мы ведем этот разговор и пугаем Амбер? Поглядите, матушка, сестрице совсем дурно, но ведь это неправильно. Это утро должно приносить лишь радость, а не огорчения. Давайте оставим ненужную ссору и позволим нашей повзрослевшей баронессе Мадести наслаждаться дарами ее поклонников.

Ответив мне упрямым взглядом, матушка все-таки сдалась и кивнула. Она прошла к тому креслу, на котором недавно сидела я, опустилась в него и заставила себя улыбнуться.

– Вы правы, дитя, всё это не к месту и не ко времени.

Удовлетворившись тем, что со мной согласились, я поспешила к сестрице, приобняла ее и звонко поцеловала в щеку. Произошедшее было неприятно. И матушкина дотошность, и моя собственная ложь, но, наверное, более всего то, что я поняла – она никогда не одобрит моих чувств к монарху, как не посчитает его чувства ко мне великой милостью. Впрочем, я и не намеревалась вступать с ним в ту самую связь, которую подразумевала старшая баронесса Тенерис.

Однако же и это ее возмущение, и молчаливое негодование, и неодобрение, которые я читала во взоре, вызывали ответное раздражение, упрямство и горечь. Менее всего мне хотелось расстраивать своих родителей, но и позволять управлять мною по их разумению я тоже не желала. Это была моя жизнь, и как бы ни прожила ее, но ответственность за выбор лежит только на мне.

– Ну что же ты застыла? – спросила я у сестрицы. – Неужто уже успела пресытиться всеми этими слащавыми восторгами и заверениями? Я не вижу, чтобы ты держалась за щеки, а значит, зубы пока не ломит. Надо продолжать, пока тебя не стошнит прямо на очередное послание!

– Фу, – скривилась Амберли, – гадость какая.

– Это суровая данность, сестрица, – заверила я и подтолкнула ее к цветам. – Ну, давай же, дорогая, хочу после тонуть в твоём восторженном оханье.

– Тебе бы только насмеяться, – проворчала Амбер, но, кажется, расслабилась.

И пока она продолжала изучать записки, я поглядывала в сторону заветного букета и думала, что уже не смогу забрать его с собой, потому что матушка будет пристально наблюдать за мной и истолкует этот жест верно. Значит, буду довольствоваться только письмом, его вполне хватало и без цветов. Но главное, уже завтра я смогу свидеться с человеком, по которому успела истосковаться... Мечтательно улыбнувшись, я оставила сестрицу в одиночестве разбираться с последствиями своего блистательного представления обществу, а сама отошла к окну и выглянула на улицу.

Сегодняшний день опять начался с дождя, он и сейчас моросил, вновь расчерчивая стекла тонкими пунктирами. Но в моей душе не было и тени уныния, там царило солнечное лето и вера в то, что всё будет восхитительно. И за этими мыслями я рассеянно наблюдала за воротами, видными из окна,

и за экипажем, который остановился по ту сторону ограды. Деревья скрывали от меня часть кареты, оставив только возможность разглядеть вороную двойку лошадей и часть герба на дверце, открывшейся спустя мгновение...

Но вот мое сознание встрепенулось от узнавания того, кого я вижу, а после...

– О Хэлл, – выдохнула я. – Это же... Это же Гард! – воскликнула я и поспешила к дверям гостиной.

– Шанриз, куда вы?

– Матушка, к нам пожаловал барон Гард, – с широкой улыбкой оповестила я и бросилась навстречу своему другу.

Не обращая внимания на попытки воззвать к моему разуму и воспитанию, я покинула гостиную. Стремительно преодолев коридор, я сбежала вниз по лестнице. Лакей еще только направлялся доложить хозяевам о визите, а я уже была в холле, опередив прислугу.

– Фьер! – воскликнула я и кинулась к нему.

– Ох, Шанриз, – опешив в первую минуту от обуревавших меня эмоций, охнул Гард. Но уже спустя короткое мгновение стиснул в объятьях, приподнял над полом и отступил в сторону, возвращая нашей встрече видимость приличий. – Доброго дня, ваша милость, – учтиво произнес барон. – Рад видеть вас в добром здравии.

– Доброго дня, ваша милость, – ответила я ему уже иным тоном, впрочем, не пряча улыбки. – И я безмерно рада видеть вас. – А после, дождавшись, когда у Гарда заберут плащ

и шляпу, сжала его руку и потянула за собой. – Идемте же, мой дорогой друг, я представлю вас моей матушке и сестрице.

Он послушно прошел половину лестницы, но вдруг остановился, и я обернулась, взглянув на барона с недоумением. Он улыбнулся, отрицательно покачал головой и поднялся на следующую ступеньку. Озадаченная рассеянным выражением лица Гарда, я спросила:

– С вами всё хорошо, ваша милость?

– Более чем, – ответил Фьер.

– А ваша супруга и сын? Здоровы ли?

– Баронесса Гард и наш с ней сын в добром здравии, благодарю, ваша милость, – улыбнулся Фьер.

– Ее светлость?

– О, – отмахнулся барон, – здоровью ее светлости можно только завидовать. Она сияет ярче летнего солнца.

– Хвала богам, – ответила я, и мы продолжили подъем.

Мы поднялись до площадки между этажами, и мои пальцы, скользившие по перилам, накрыла ладонь Фьера. Обернувшись, я с изумлением взглянула на его милость.

– Остановитесь, Шанриз, – произнес он и отвел взгляд. – Я не могу так. Не могу смотреть в глаза вам и вашим родным, зная, зачем я явился. Лицемерить я могу в отношении кого угодно, только не перед вами.

Развернувшись к нему, я спросила:

– Что терзает вас, Фьер?

– Нам надо поговорить, – ответил Гард. – Наедине.

– Ну хорошо, – я пожала плечами и вдруг ощутила, как в груди разрастется ледяная пустота. – Государь... – начала я и оборвала себя, не в силах продолжить догадку, пришедшую мне в голову.

– С ним всё отлично, – с раздражением отмахнулся барон. Он выдохнул и попросил: – Укажите, где мы с вами можем поговорить без свидетелей. И уж потом, если вы пожелаете, вы представите меня своей семье.

– Да что же с вами такое?! – воскликнула я.

– На моей душе мерзко, Шанни, но я должен всё это вам сказать, – мрачно ответил Гард и велел: – Ведите.

Кивнув ему, я продолжила подъем. Вскоре мы входили в кабинет моего отца, сейчас отсутствовавшего дома. Указав на стул, я устроилась на краю стола и выжидающе посмотрела на своего гостя, пребывавшего не в лучшем расположении духа. Барон не сел, он отошел к окну, выглянул на улицу и коротко вздохнул.

– Говорите, ваша милость, – попросила я, устав ждать откровений моего друга.

Он обернулся, посмотрел на меня... с сочувствием и произнес:

– Ее светлость... Мне велено передать вам, ваша милость, что герцогиня довольна проделанной вами работой. Она обещает не забыть ваших стараний... ради ее блага и в награду за вашу недолгую, но верную службу ее светлость отправля-

ет вам подарок, который вы оцените по достоинству. – Фьер замолчал, снова бросил взгляд на улицу и закончил: – Более в ваших услугах герцогиня Аританская не нуждается. Простите, Шанриз.

Последнее явно относилось лично к Гарду. Я ответила непонимающим взглядом. После тряхнула головой и переспросила:

– О чем вы толкуете мне, ваша милость?

– Это отставка, Шанриз, – мрачно ответил барон. – Вы оказались слишком самостоятельны, и она избавилась от вас.

Отказываясь понимать услышанное, я воззрилась себе под ноги. Отставка? Отставка?! Сейчас?! Но это же невозможно! И... и почему? Ришема больше нет, принцессу приструнили, государь благоволит мне... Горький смех сорвался с моих губ. Ну конечно же! Зачем я ей, когда враг повержен и дорога к собственным желаниям ее светлости открыта?! Только я со своим своеволием и собственным мнением стояла у нее на пути. Теперь нет и меня.

– Герцогиня верна себе! – с издевкой воскликнула я. – Использовала и выбросила!

– Это еще не всё, – негромко произнес Гард. Он приблизился ко мне, сжал мои ладони и посмотрел в глаза.

– Ну, сразите же меня, – криво усмехнулась я, кажется, подозревая, что он хочет сказать.

– Она взяла новых фрейлин, – продолжил барон. – Та, что займет ваше место, прибыла ко Двору на следующий день

после вашего отъезда как гостя ее светлости, но сегодня она уже названа новой фрейлиной. Герцогиня подобрала женщину, чем-то похожую на вас. Ее волосы не так яркие, как ваши, но цвет похож. У нее тоже зеленые глаза, рост и стать похожат на ваши. Должно быть, ее светлость начала искать такую уже давно...

– Отчего вы так думаете? – тускло спросила я.

– Потому что она из Аритана, Шанриз, – ответил Фьер. – Нужно было время, чтобы отправить послание и дожждаться появления графини. Скорей всего, герцогиня задумала убраться еще летом, и сейчас ей представился самый удобный момент. Вас нет, и некому затмить ее новую ставленницу. Кроме аританки, ее светлость взяла светловолосую фрейлину, схожую с Серпиной Хальт, и брюнетку. Все они привлекательны, даже красивы, каждая по-своему.

– На любой вкус, – усмехнулась я.

После освободила руки, встала на ноги и отошла от барона.

– Девиц среди них нет, это молодые, но опытные женщины, и каждая готова служить герцогине в благодарность за ее заботу.

– И каждая будет не против оказаться в покоях фаворитки, – закончила я и стремительно развернулась к его милости. – А он? Что же он, Фьер?

– Мне не влезть в голову короля, Шанриз, простите, – Гард присел на угол стола. – Вчера на Большом завтраке государь

задержал взгляд на аританке, но в нем скорей было удивление. Возможно, в первую минуту он перепутал вас, оттого и смотрел пристально.

– Я получила от него сегодня записку, – сказала я больше для себя. – Государь написал, что ждет моего возвращения... И вы, – я вскинула взгляд на барона: – Фьер, вы тоже написали, что ждете! Если вы знали...

– Я не знал, – прервал меня Гард. – Не знал, что перед вами закроют ворота дворца. До сегодняшнего дня ваше место оставалось за вами. Только два часа назад ее светлость призвала меня и отправила к вам, чтобы сообщить об отставке. А то, что решила подарить вам Аметиста, больше похоже на издевку, чем на дружественный жест.

Аметист? Герцогиня отдала мне моего любимого жеребца? Это было бы мило, если бы и вправду не напоминало издевку... И я вновь расхохоталась.

– Она должна была лично усадить меня в седло и подстегнуть коня, чтобы он мчался долой с ее глаз! – воскликнула я, ощущая приближение истерики. – Скачите, ваша милость, скачите! Вы ведь так обожаете скачки!

Меня согнуло пополам от сотрясавшего меня хохота.

– Шанриз! – воскликнул Гард. – Шанриз, успокойтесь!

– Но какво! – продолжала я, не слушая призывов: – Она ведь подталкивала меня к тому шагу, после которого повернуть назад уже невозможно, а сама искала мне послушную замену?! А Дренг?! Да что Дренг! Ни магистр, ни дядюшка

не предупредили меня о готовящейся подлости! Дядюшка!

– Да откуда всем нам было знать?! – воскликнул Фьер. – Аританку привез ее муж. Они прибыли как посланцы герцога Аританского для решения каких-то дел, к которым имеет касательство ее светлость. Но сегодня граф Хорнет отбыл, а его жена осталась как новая фрейлина герцогини. После этого мне был дан приказ сообщить вам об отставке, привести Аметиста и вернуться, чтобы подготовить званый вечер.

– Званый вечер? – переспросила я, и моя истерика набрала ход: – Званый вечер! Ха-ха! А кто же у нас почетный гость? Сам Его... ха-ха... Величество! Вот вам новая утеха, госу... государь! Прошлая оказалась слишком... ха-ха... упрямой, – кривлялась я, перемежая слова с хохотом. – Не герцогиня, а поставщик постельных грелок! Ха-ха-ха! Ох...

Меня обожгла пощечина. Смех мгновенно оборвался, и я в ошеломлении посмотрела на Гарда.

– Простите, ваша милость, – хмуро произнес он, – но иначе вас было не остановить.

– Да, – я прижала ладонь к горячей щеке: – Благодарю.

– Шанриз, – Фьер покривился, – я не хотел причинять вам боли.

– Она хотела, – равнодушно ответила я. – У нее вышло. Простите, ваша милость, – я мазнула по нему взглядом и направилась к двери: – Сегодня я не в силах разговаривать. Вас проводят.

– Могу ли я и впредь оставаться вашим другом? Могу ли

я навещать вас? – спросил барон в спину.

Я обернулась и выдавила улыбку:

– Если вы мой друг, то не станете ждать ответа. Дружба не заканчивается отставкой... если она, конечно, дружба.

– Тогда я не буду ждать ответа, Шанриз.

Кивнув ему, я вышла за дверь кабинета и встретила взглядом с матушкой. Кажется, она стояла всё это время здесь и слушала наш разговор с Гардом. Наверное, даже поняла то, о чем я молчала до этого. Родительница протянула руку и коснулась моей щеки, на которой алел след от ладони борона. После сжала мое плечо пальцами и произнесла, глядя в глаза:

– Оно и к лучшему, дитя. Дворец не для вас...

– Не сейчас, дорогая моя, – ответила я прежним равнодушным тоном. Затем освободилась от ее руки и отступила. – Я хочу побыть одна. И... – вновь потрогав щеку, добавила: – Не злитесь на Фьера, это было во благо.

– Я... слышала, – ответила она.

Отойдя от нее, я направилась прочь. Нужно было усмирить огонь, бушевавший во мне, нужно было успокоиться и подумать. Да, нужно всё обдумать...

– Проклятье, – пробормотала я, закрыла глаза и протяжно вздохнула. А недавно всё было так восхитительно...

Глава 5

Черная меланхолия. Кто с ней знаком, тот поймет состояние, владевшее мной. Полное безразличие ко всему, что меня окружало, – вот что стало моим верным спутником на последующие два дня. Даже Амберли была не в силах вытянуть меня из этого мерзкого существования. И если поначалу я готова была крушить всё, что попадалось мне под руку, чтобы выместить свои боль и ярость, то через день я встала совершенно спокойная, будто все мои чувства заморозили в одно мгновение.

Причиной тому стало осознание – это конец. Моим мечтам, устремлениям... чувствам. Ворота дворца закрылись передо мной. Теперь войти туда я могла только женой сановника или же... любовницей короля. Еще оставалась надежда, что государь потребует у тетушки вернуть меня, но она, сначала перейдя в твердую уверенность, к вечеру просто растворилась, потому что никто не спешил уведомить меня о том, что известие об отставке было ошибкой. И на утро третьего дня я ощутила то самое ледяное спокойствие, о котором успела рассказать.

Пережить сильные эмоции я успела еще в первый день и последующую ему ночь. У меня в голове не укладывалось, как можно так стремительно вознестись к небесам, а сразу следом за этим упасть на дно самой глубокой пропасти. Ведь

вроде всего час назад я парила на радужных крыльях, полная надежд и искрящегося счастья, но где теперь мои крылья? Их сорвали с моей спины, кинули на землю и растоптали в ключья каблучками изящных дорогих туфельек.

О-о-о, как же я ненавидела свою недавнюю покровительницу, как желала оказаться ей там, где была я – на дне отчаяния, черного, как непроглядная ночь. Да! Я хотела, чтобы герцогиня, так легко игравшая чужими судьбами, почувствовала всю ту боль, испепелявшую меня. И дело было даже не в том, что она избавилась от непослушной марионетки. В этом я могла понять ее светлость.

Ей нужна была покорность, и она продолжила искать ее. Но я не могла ни понять, ни простить подлости ее намерений, когда, уже зная, как поступит со мной, эта женщина продолжала вести меня на ложе своего племянника. Для чего? Чтобы после подsunуть ему другую женщину и внести тем разлад между нами? Или надеялась, что король выберет более спокойную и покладистую? Почему нет? С графиней Хальт он прожил два года именно из-за этих черт ее характера. И тогда вновь интриги, но уже против меня, чтобы изгнать из чертогов государя...

– Она смотрела мне в глаза и желала погибели, – прошептала я, глядя в ночную тьму, сменившую свет дня. Кулак мой сам собой сжимался и разжимался, подвластный не разуму, но чувствам. И в голову мне пришло четверостишие, написанное придворным поэтом еще лет сто с небольшим назад:

Твой голос так сладок, он льется нектаром.
Смотрю на уста твои жаждущим взглядом,
Но стоит прильнуть к ним, и вот он, ответ —
Уста эти алые полнятся ядом...

Это четверостишие я прочла в небольшом сборнике из библиотеки государя. Имени поэта я не запомнила, как и имя той, кому они были посвящены, но вот слова отчего-то врезались в память. И сейчас они показались мне верными. Повторив стихотворение еще раз, я ударила кулаком по оконной раме и поклялась себе, что обращу яд гадюки против нее самой, если однажды мне представится такая возможность. Не прощу! Ни подлости, ни предательства.

Но всё это было в первую ночь после отставки. Следующий день я ждала известий из дворца, даже немного воспрянула духом. Мне не верилось, что государь, не забываявший обо мне всё то время, пока мы не общались, и еще утром писавший, что ждет, вдруг благосклонно примет решение своей тетки и откажется от меня. Я была уверена, что вскоре вновь войду в ворота королевского дворца.

А к вечеру я начала мрачнеть всё сильнее и сильнее, однако продолжала вздрагивать каждый раз, когда слышала шаги лакея. Надежды не оправдались. Та ночь была вновь наполнена огнем, но теперь обиды и злости. Я перебирала в памяти все наши встречи с государем, его слова и признания, его

касания и поцелуи. И тот взгляд, что я дважды ловила, когда казалось, что, увидев меня, он ощутил, будто под ногами разверзлась пропасть. Я всё это помнила и негодовала, потому что невозможно вот так просто взять и вычеркнуть из жизни то, что было дорого. Но ведь смог! Смог!

И что же? Если его заверения были ложью, то что было бы, согласись я не предложение стать его женщиной? Неужели мои подозрения оказались верными, и король смог бы быстро променять меня на следующую фаворитку? О Хэлл! Как же я благодарна, что не позволил поддаться тому искушению, что в минуты последнего объяснения на краткий миг родилось во мне. Мой небесный хранитель, сколь велик ты в своей мудрости и добр ко мне в своем благоволении. Никогда я не устану благодарить тебя за то, что не позволил мне потерять разум. Но как же мерзко...

И вот тогда пришло равнодушие. Должно быть, мой Покровитель решил позаботиться обо мне и закрыл в непроницаемую броню полного безразличия ко всему. Даже моя обожаемая сестрица не сумела достучаться до меня, как бы ни старалась. Я лишь искривила губы в усмешке, когда она ударила меня подушкой, но не ответила.

– Шанни, ну что с тобой? – едва не плача, спросила меня Амбер, присев передо мной на корточки.

– Всё хорошо, – ответила я, потрепала ее по щеке, после поднялась на ноги и, обойдя сестрицу, ушла в другую комнату и закрыла за собой дверь.

Родители оказались неожиданно тактичны. Даже матушка сейчас не приставала ко мне с поучениями и увещеваниями и не спешила побыстрее обстричь дельце с моим замужеством, раз уж моя служба закончилась. Впрочем, моя родительница не была бы ею, если бы не старалась вернуть меня к жизни своими выдумками. Еще за завтраком она сообщила, что мы идем к реке, протекавшей в предместье.

– Девочки, вам не кажется, что мы не можем позволить себе упустить последние погожие деньки? – спросила ее милость, игнорируя то, что ночью шел дождь. Правда, утром выглянуло солнце, и день действительно казался погожим. – А не прогуляться ли нам на пруд? Мы можем устроить пикник. Что скажете? Шанни, вы так много рассказывали про того милого жеребца, которого привели к нам, но еще ни разу не подошли к нему. Что если нам отправиться на пикник верхом? Ваша милость, – она посмотрела на батюшку: – Вы снова покинете нас или же будете охранять ваших женщин?

– Разумеется, буду охранять мои сокровища, дорогая, – с улыбкой ответил отец.

Амберли захлопала в ладоши, а я подумала, что и вправду еще ни разу не подошла к Аметисту... Надо навестить его... потом.

– Что же вы молчите, дитя? – обратилась ко мне матушка. – Вы ведь любите конные прогулки, а тут еще и ваш любимец. Да и пикники в детстве...

– Мне не хочется, – ответила я. – Позвольте покинуть вас?

– Да, переоденьтесь, мы выезжаем через час, – кивнула родительница, не пожелавшая услышать моего «нет».

– Как скажете, – не стала я спорить.

А через полтора часа мы все-таки покинули особняк и направились к пруду на последний пикник этого года. Подо мной фыркал обиженный Аметист. Он узнал меня, как только я появилась, радостно заржал, забил копытом и сунул свою умную голову мне под руку, ожидая привычных ему ласк и воркования. Однако дождался лишь вялого похлопывания по шее.

– Здравствуй, милый, – сказала я и велела конюху: – Мужское седло.

– Ее милость...

– Сделайте, как хочет наша дочь, – произнес из-за моей спины батюшка, и Аметиста увели, чтобы переседлать.

– Благодарю, – кивнула я барону и замерла на месте, ожидая своего жеребца.

Батюшка остался подле меня. Он обнял меня за плечи и слегка встряхнул:

– Дитя мое, это не конец вашей жизни, – сказал его милость. – Даже если вас гложет обида, или вы переживаете, что над вашей неудачей будут насмехаться, то всё это пустое. Мы с вашей матерью никогда не одобряли этого служения, и потому не почитаем отставку за крах. Поверьте, вы только выиграли.

– Как скажете, ваша милость, – ответила я.

Он не стал настаивать на продолжении разговора. А вскоре привели и Аметиста. Я снова машинально потрепала его и самостоятельно забралась в седло. Наша маленькая кавалькада тронулась. Лошади шли степенно. Матушка и Амбер негромко переговаривались, иногда пытались вовлечь в свою беседу и меня, но это было обсуждение молодых людей, просивших разрешения посещать наш дом и ухаживать за сестрицей, и потому от высказывания своего мнения я уклонилась. Эта тема мне была не интересна и в лучшем расположении духа.

Барон ехал впереди, за нами следовали на лошадях два лакея, которые должны были прислуживать и охранять наш покой. Впрочем, охранять-то было особо не от кого. Берег реки ожидаемо пустовал. Да и кому бы взбрело в голову устраивать пикник в ту пору, когда все увеселения проходили под крышей, даже в саду не выставляли столов и не устраивали игр. Но моим родителям хотелось подбодрить меня, и они сотворили ужасную вещь – нарушили правила. Мои-то родители! Однако это было так, и слабая благодарность шевельнулась в моей стылой сейчас душе.

А пока лакеи расставляли всё, что привезли с собой, ба-тюшка с матушкой решили прогуляться по берегу. Мы с сестрицей шли за ними. Амбер, заглянув мне в глаза, взяла за руку и пожала ладонь. Я слабо улыбнулась ей и отвела взгляд на водную гладь. Она показалась мне совершенно черной, и по этой холодной черноте плыли опавшие листья.

А среди пожухлых «корабликов» скользили утка с селезнем. Он впереди, она за ним, не отстав и не отвернув в сторону ни разу. Заметила их и Амберли:

– Смотри, Шанни, как мило, – сказала она. – Подожди немного.

Амберли выпустила меня, сбегала к лакеям, а вернулась с куском румяной булки. Разломав свою добычу, сестрица протянула мне половину и, вновь сжав руку, увлекла за собой к кромке воды. Здесь она отломала кусочек и бросила уткам. Селезень благосклонно сменил направление и подплыл к нам, ведя, словно в поводу, свою подругу. Амберли захлопала в ладоши и бросила уткам следующий кусочек булки.

– Какая прелесть! – воскликнула она. – Шанни, покорми их!

Я послушно отломала кусочек и бросила в пруд. Амберли обняла меня за талию, уместила голову на моем плече и вздохнула.

– Возвращайся ко мне, сестрица, – попросила она. – Мне без тебя не разобраться во всех этих предложениях. Кто мне еще подскажет, кому стоит довериться, а от кого держаться подальше? Ее милость добра, но ты ведь спасла меня от Брана Гендрика, и я тебе очень благодарна. Но что мне делать дальше? Ты разбираешься в людях, а я слишком наивна и ничего не понимаю в жизни.

Криво усмехнувшись, я бросила уткам последний кусок и обняла сестрицу в ответ.

– Я совсем не разбираюсь, дорогая, – сказала я.

– Еще как разбираешься, – заверила меня Амбер.

И вновь я спорить не стала, лишь подумала – если бы я не ошибалась в своих выводах, то сейчас стояла бы не на берегу пруда, а на дворцовом паркете. Однако я кормлю уток, а ее подлость уже успела подсунуть королю свою очередную кандидату на исполнение высочайших прихотей. И он наверняка успел оценить и ее декольте, и готовность к близости с ним... Противно.

Покривившись, я освободилась от объятий Амберли и отошла от воды. Сестрица последовала за мной. Она поглядывала на меня, но больше пока ничего не говорила, а вскоре опять взяла за руку, и мы побрели между деревьев, ожидая, когда нас позовут. Сегодня было решено не брать стола и стульев, на земле мы тем более сидеть не собирались. Нам накрывали... на пне. И есть мы должны были стоя. Мне подобные чудачества были безразличны.

Я бы предпочла, оказавшись в своих комнатах, слушать треск огня в камине и протяжные завывания, нет, не ветра, а вздохи моей дорогой Тальмы. Вот уж кто пытался ходить за мной, словно за малым дитя, пока я не указала ей на стул в углу гостиной, где теперь служанка просиживала целыми днями, не желая оставлять меня в одиночестве ни на минуту.

– Ваши милости, – к нам подошел лакей. Он поклонился: – Извольте пожаловать к столу.

Ничего горячего или сытного не подразумевалось. Дабы

не перебить аппетит до обеда, а лишь чуть утолить легкий голод, который должен был появиться на свежем воздухе. Так что на пне, покрытом белоснежной салфеткой, не было мясных блюд, ни горячих, ни холодных. Лишь сыр, булка, овощи и фрукты. Для родителей стоял маленький графин с легким вином, для нас с сестрицей ягодный напиток.

– Смотри сколько булки, – шепнула мне Амбер. – Мы можем снова покормить уток. Там, кажется, еще прилетели.

– Хорошо, – кивнула я.

Я вообще стала сейчас удивительно послушна. Что сказали, то и сделала. Велели переодеться к прогулке – переоделась, велели ехать верхом, села в седло, сказали кормить уток – покормила, сунули в руку булочку с уложенным на нее куском сыра – съела, особо не чувствуя вкуса. Да мне попросту было всё равно, что я буду делать, и буду ли вообще. Разве что заставить меня говорить оказалось почти невозможно.

Мое настроение медленно, но верно, начало передаваться и остальным. Затяжное старшей баронессой предприятие, которое могло стать приятным разнообразием, всё больше превращалось в нечто тягостное и раздражающее. Батюшка уже успел дважды посмотреть на свой берегет. Матушка ворчала на нерасторопность прислуги, хотя лакеям и суетиться было незачем. А Амберли просто пригорюнилась и чертила длинной палкой на куске земли, свободном от травы, завитушки и круги.

– Едемте домой, – попросила я, устав от нашего стояния

на берегу пруда.

– Да, пора бы уже, – деловито ответил отец, в третий раз взглянув на берег.

– Я не понимаю! – вдруг не выдержала матушка. – Да я просто отказываюсь понимать, как дворец и служба герцогине могут быть настолько милей отчего дома и близких людей, чтобы вот так вот изводить себя. Это нечестно и несправедливо! И обидно, – добавила родительница и отвернулась.

– Мне не нравилось служить герцогине, – ответила я без всяких эмоций.

– Тогда отчего же вы третий день убиваетесь? Неужели из-за того, что... да я даже говорить этого не хочу! – матушка всплеснула руками. – То, что я поняла из услышанного... это ужасно и неприемлемо, а значит, и не стоит переживать, что вы не стали той, кем не стали.

– И ею я тоже не хотела быть, – сказала я.

– И хвала Богам! – воскликнула баронесса. – Но объясните же нам тогда, Шанни, отчего вы так страдаете, если и служба была вам не в радость, и фавориткой вы не собирались становиться? Почему терзаете себя?

– Фавориткой я быть хотела, – ответила я и отложила на пень недоеденный кусок булки.

– Да вы же только что сказали...

– Фаворитка – не значит та, кого вы подразумеваете, – ответила я и протяжно вздохнула, не желая вести этого разговора. Однако продолжила свою мысль: – Граф Дренг – фа-

ворит, но это не означает, что между ним и государем есть то, о чем вы думаете, матушка.

– Но зачем?!

На меня смотрели все, включая лакеев, любопытство которых оказалось сильнее выучки.

– Мне это было нужно, – произнесла я и покривилась: – Теперь уж не будет.

И пока мне не продолжили задавать вопросы, направилась к лошадям, привязанным неподалеку.

– Не понимаю, – услышала я матушкин голос.

– Оставьте ее, Эли, – негромко произнес отец. – Раз начала открываться, значит, однажды доскажет всё, о чем сейчас умолчала. Или вы желаете довести дочь до истерики, а нашу семью до скандала? Мы говорили с вами: терпение и еще раз терпение.

– Да, ваша милость, – проворчала баронесса, но на этом допрос прекратила.

В обратную сторону мы ехали и вовсе молча. Никто не спешил завести хотя бы краткой беседы или высказать о том, что солнце скрылось, и, кажется, скоро начнется, дождь. Отец ехал рядом со мной, будто не желая оставлять меня в полном одиночестве, матушка с Амберли отстали. Настроение у всех было подавленным и мрачным, небо, всё более хмурившееся над нашими головами, казалось, поддавалось всеобщему унынию.

Оживились мои родные уже ближе к дому, когда обнару-

жили перед воротами нашего особняка экипаж.

– Кто бы это мог быть? – изумился батюшка. – Вроде бы не его сиятельство.

– Кто там? – матушка подъехала к нам с отцом, поспешила за ней и Амбер.

– Может быть, кто-то из гостей с торжества? – неуверенно предположил барон.

И в это время от калитки отошел посетитель, которому должны были сообщить, что хозяев нет дома. Я всмотрелась в того, кто остановился и смотрел в нашу сторону, и сердце мое вдруг сорвалось с привязи, разбив первый слой защитного панциря, щеки загорелись от лихорадочного румянца, ставшего следствием волнения, и я подстегнула Аметиста.

– Это Дренг, – сказав это, я пустила коня рысью.

Это и вправду был королевский любимец и доверенное лицо. Первый миг надежды, ослепивший меня, сменился подозрительностью и тревогой. Зачем он приехал? Что хочет сказать? Быть может, это просто визит, за которым стоит пустая вежливость и только? И поводья я натянула, опять пустив Аметиста шагом. Вскоре окончательно остановила его и спешила. За моей спиной спрыгнул из седла на землю батюшка, и мы вместе приблизились к нашему гостю.

Граф учтиво поклонился, поздоровался с главой семейства, а после перевел взгляд на меня:

– У меня до вас дело, ваша милость, – сказал Дренг. – Мы могли бы поговорить наедине? – Фаворит посмотрел на

моего отца, и тот, чуть помедлив, кивнул.

– Прошу, – батюшка указал в сторону особняка. – Вы можете беседовать в моем кабинете.

– Доброго дня, ваше сиятельство, – немного воинственно поздоровалась с графом матушка. – Что-то случилось?

– Идемте, ваша милость, – оборвал ее барон.

Амберли бросила на меня испытующий взор, после кивнула улыбнувшемуся ей Оливу, и первой вошла в ворота. Лакеи, которые помогали дамам спуститься на землю и теперь державшие в поводу своих и хозяйских лошадей, поклонившись нам с его сиятельством, проследовали к конюшне. Задержались только мои родители.

– Мы скоро подойдем, – сказала я им, после этого ушли и они. Я развернулась к графу и впилась в него вопросительным взглядом.

– Как ваше здоровье? – спросил Дренг, но я отмахнулась: – Говорите.

Он с усмешкой покачал головой, скосил глаза на особняк, но я не двинулась с места. Нет, это не было враждебностью или отсутствием вежливости. Я была не против того, чтобы граф вошел, но волнение и желание скорее узнать причину его визита оказались сильнее воспитания, такта и этикета. Наверное, он это понял, потому что улыбнулся и протянул мне письмо.

Я короткое мгновение смотрела на белоснежный конвертик со знакомой мне печатью, затем облизала вдруг пере-

сохшие губы и приняла послание. Аметист, которого я так и не передала лакеям, опустил голову, ткнулся носом в конвент, но я отдернула руку и заслужила очередное недовольное фырканье.

– Ты уж прости, дружок, – сказала я коню, впервые обратив на него внимание. – Но это мне.

Все-таки передав поводья графу, я отошла на несколько шагов, сломала печать и раскрыла послание. Дыхание перехватило уже от одного вида почерка, а после я, кажется, перестала дышать, читая то, что написал мне государь:

«Ваша милость, мне доложили, что вы просили отставки и решили остаться среди родных. Также мне сообщили, что вами был одобрен какой-то молодой человек, которого вам предложили в супруги. Признаться, это известие выбило почву у меня из-под ног, и я не сразу сумел обуздать свое негодование, но, успокоившись, понял главное – ваш дядюшка не представил на мое одобрение ни одной кандидатуры, а значит, меня пытаются ввести в заблуждение. Граф Доло подтвердил мои подозрения, а Дренг заверил, что вы не желаете замужества, что несказанно меня радует.

К моему прискорбию я не стану диктовать ее светлости, кто должен составлять ее свиту, это подвластно лишь герцогине. Особенно зная норы своей тетушки, я не хочу, чтобы вам делали больно и помыкали в отместку за мой приказ. И тем более не стану настаивать на том, чтобы вы отправились служить Ее Высочеству, памятуя о ваших прежних взаимо-

отношениях. Но и отказаться от вас я совершенно не могу. Я желаю, чтобы вы вернулись и продолжали и дальше освещать мой дворец своим сиянием.

Мой дорогой лучик, вы должны знать, что мое отношение к вам не изменилось за всё это время. И пусть мы не виделись после турнира, но я не упускал вас из вида. А еще я видел блеск ваших глаз во время нашего последнего разговора в столовой и понял, что вы, как и я, рады вернуть утраченное нами. И я говорю вам, Шанриз, я жду вас, раскрыв свои объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.